

ДВ 84 (2 Дос = Рус) 6-4
М 64

Татьяна Мирчук

И все это жизнью зовется

О, если б всё, что происходит
с нами,
Могли мы объяснить и
понимать!

Julia

4
Взрослому
абоненту
из автобуса,
с любовью,
28.02.12. *Татьяна*

Д В 84 (2 Рос-рус) 64
М 64

Мирчук Т. А.

И ВСЁ ЭТО ЖИЗНЬЮ ЗОВЁТСЯ

(проза)

183317
↙
↘

Комсомольск н/А
МУК ГЦБ
Хабаровский край

Комсомольск-на-Амуре
2011 год

Мирчук Т.А. **И всё это жизнью зовется.**
Комсомольск-на-Амуре, 2011 г., 124 с.

Татьяна Александровна Мирчук родом с Вологодчины, живёт в Комсомольске-на-Амуре. Пишет стихи и прозу. Член городской общественной писательской организации имени Геннадия Хлебникова.

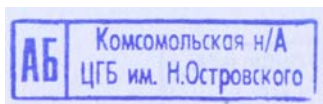
Автор выражает огромную благодарность и признательность за неоценимую помощь в издании сборника **Ольге Ефимовне Щербаковой** - моему доброму другу и постоянному редактору и **Светлане Васильевне Родионовой** за бескорыстие и щедрые сердца.

Редактор: **Щербакова О.Е.**

Обложка: **Родионова С.В.**

Компьютерный набор автора

Сборник издан на средства автора

© Мирчук Т.А.

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

МЫСЛИ В РОЖДЕСТВЕНСКОЕ УТРО

Не надо уподобляться тем, на кого меньше всего ты хотел бы походить. Не нужно давать злобе поселиться в твоём сердце. Желание мщения разрушает душу. Если есть в тебе хоть капля сомнения в том, что поступаешь неправедно, - не поступай так!

Умение прощать - не такой огромный подвиг. Простишь ты - простят тебе. Не топчи поверженного в прах, а протяни ему руку помощи.

Так устроен мир, что мы зависим друг от друга и по одиночке не проживём. Не всем, а только редким дано быть отшельниками. Выжить в людской толпе труднее. Остаться человеком среди пороков, практически, невозможно. Но нужно стараться изо всех сил тянуться к свету, а не в тьму крошечную торопиться семимильными шагами.

Воистину сказано: любовь есть Бог. Что есть зло, понятно само собой. Мало в нас Бога, так хотя бы попытаемся поливать всходы любви родниковой водой убеждения в неправоте зла. Пусть они по миллиметру подрастают в лучах этого желания, а не погибают под ледяной коркой равнодушия и глупости. Да будет так!

В ГОСТИ К ПУШКИНУ **(Дневниковые записи)**

Предисловие

Для того, чтобы исполнилось какое-нибудь желание, нужно конкретизировать свою мысль. Убедилась я в этом на собственном примере. В прошлом году вместе с сестрой и племянником мы побывали в Псково-Печерском монастыре. Ездили автобусом с паломнической миссией. Люди мы не воцерковленные, а посему только полюбовались храмами, красотами окрестными. Я и племянник искупались в чудодейственном источнике в Камно, но опять же не потому, что уверовали, а скорее для остроты ощущений.

Очень нам понравилась псковская земля, и решили мы, что на следующий год обязательно приедем в эти края. «Хорошо бы побывать в Михайловском!» - помечтала я. И сбылась моя мечта в этом году. А ведь до этого сколько раз рассуждала с подругами, что пишущему человеку грех не побывать в пушкинских местах.

Часть первая. Дорога

Купили мы с сестрой путёвку на двоих и покатали в гости к Александру Сергеевичу. В день отъезда накрапывал нудный серый дождь, было прохладно. Сентябрь. Не повезло с погодой, зато повезло с экскурсоводом. Наташа Малинина - молодая, обаятельная женщина выдала „на гора" огромное количество информации.

Я удивлялась тому, что человек, постоянно рассказывающий об одном и том же, так любовно освещает давно ей известные факты. Одно слово - профессионал.

Места вдоль трассы Санкт-Петербург - Псков поистине замечательные. Красивейшие леса: сосны, берёзы, ели, озёра, реки. Ягодные, грибные, а в старые времена ещё и богатые рыбой, зверьём. Желаящих поселиться здесь всегда было - хоть отбавляй!

Вот несколько историй, рассказанных Наташей.

В окрестностях Луги как-то проезжал царь Пётр. Поломался у него в дороге дорожный иностранный пистолет. Вот досада! Но оказался в тех местах искусный кузнец Никита Антуфьев, по прозвищу Демидыч. Кузнец не только починил сломанный пистоль, но и сделал ещё один такой же.

Царь в восхищении, требуй, мол, чего захочешь! Хитрый кузнец, пользуясь случаем, запросил земли в этих местах. Пётр дал, но за Уралом, в аренду на пять лет, с условием, что кузнец расплатится за неё вдвое. Кузнец и расплатился - впятеро!

От него и пошла династия Демидовых. Один из потомков Никиты был с большими чудачествами. Владея огромным капиталом, тратил его, как хотел. Вздумалось ему, к примеру, летом зиму сделать. Засыпали солью огромное пространство - насколько глаз барина видел. Состригли с деревьев листья, облепили ветки солью - чем не зима?

Но потом ему всё быстро наскучило, и окрестные крестьяне с большим удовольствием сгребали лопатами соль и увозили по домам.

У этого же Демидова дочь заявила, что не выйдет замуж за купца, но только за потомственного дворянина. Уговоры не действовали. Тогда рассерженный отец написал собственноручно объявление, что выдаст дочь за первого попавшегося дворянина. И вывесил объявление на стене собственного дома. В отношении денег дворянину, конечно, повезло, о жене история умалчивает.

Но это всего лишь легенда. О том, как впервые встретились Пётр Первый и Демидов Первый, доподлинно неизвестно. Зато из истории мы знаем, что Никита Демидов был тульским оружейником и поставлял ко двору ружья и алебарды.

Проезжаем речку и станцию с одинаковым названием - Оредеж. Течёт речка меж возвышенных берегов. На одном берегу стоит церковь Рождества Богородицы. В пет-

ровскую эпоху эти земли были подарены царём сыну Алексею, об этом есть у Мережковского.

С другой стороны, тоже на возвышении, - старинная усадьба И.Рукавишникова, богатейшего человека - владел капиталом в один миллион рублей золотом - купца, получившего дворянство за свою меценатскую деятельность. Первая больница, построенная в Петербурге - его рук дело. Рукавишников - двоюродный дед знаменитого писателя В.Набокова, о котором написано в книге „Другие берега“: „Его, александровских времён усадьба, белая, симметричнокрылая, с колоннами и по фасаду и по антифронтону высилась среди лип и дубов на крутом муравчатом холму за рекой Оредежь...“.

Последний владелец усадьбы - Василий Иванович Рукавишников, двоюродный дядя Набокова со стороны матери, оставил её в наследство писателю в 1914году, когда уехал за границу. Сейчас в усадьбе музей. Усадьба ценна тем, что она сохранилась в целости с 18 века. Одна из трёх дворянских усадеб в России. Уникальность её состоит ещё и в том, что она полностью сделана из дерева. Мне удалось сфотографировать дом из окна автобуса. Усадьба очень хороша! Далеко видимая со своего возвышенного места, с белыми колоннами, словно какой-то древний замок.

Наташа говорит, что только русские мастера умели так работать с деревом, применяя особую методику для того, чтобы изогнуть этот хрупкий материал.

В советские времена здесь размещалось общежитие. Внутри настроили перегородок. В один из дней внутри дома вспыхнул пожар. Но сгорели только перегородки, больше огонь не тронул ничего. А после пожара в одной из комнат обнаружили старинную икону, тоже совершенно не пострадавшую от огня. Из разряда чудес, однако.

Речка Грязна. Где-то в этих местах есть источник, помогающий лечить глазные болезни. Возле источника иногда находят старинные монеты. Существует легенда, что на этом месте когда-то стояла очень богатая церковь.

Как-то в эти края пришли чужие воины и решили её ограбить. Но когда разбойники вошли внутрь, церковь возьми - и провалилась под землю вместе с чужаками.

Есть в этих местах огромные карстовые пещеры до сих пор. Время от времени земля где-то обваливается, обнаруживая их. В одну из таких пещер местные шутники запустили поросёнка, (говорят, что эти животные бегут только вперёд, такая у них особенность) так животинка появилась на свет только через три дня в нескольких километрах от данного места.

Луга. Впервые упоминается в 947 году в связи со сватовством князя Игоря к княгине Ольге - уроженке здешних мест.

На землях этих шли бесконечные войны: и междоусобицы, и нападения извне. В IX веке - немцы, шведы, монголо-татары. Немцы и шведы успокоятся немного только после того, как будут разбиты войсками Александра Невского. Затем уже поляки и литовцы стали зариться на лакомый кусок. В 1348 году король Магнус после битвы с русскими сказал почему-то: „Никогда не завоёвывайте этих земель!“ Не послушались, а зря!

Под Лугой сохранилось древнее городище. Кровью политы щедро и обильно здешние земли, поэтому и урожайные на грибы, ягоды и прочую растительность.

Въезжаем на Псковские земли. Историческая справка: с 1348 года Псков был два века свободен. А так - бесконечные войны. С 1510 года он уже в составе Московского государства.

Наташа просит обратить внимание на дома: здесь на окнах почти нет наличников. Объясняется это просто: при нападениях, а их, я повторюсь, было великое множество, поселянам приходилось спешно покидать избы. Иногда они сами поджигали дома, чтоб не достались врагу. Но чаще это делали завоеватели, когда их сгоняли с этих мест. Поэтому было не до украшений. Традиция сохранилась.

Едем дальше. Озеро Песна. На берегу его располагалась усадьба композитора Римского-Корсакова. Река Плюса. В ней очень чистая вода, поэтому в речке водится особая рыба, которая живёт только в чистой воде, - форель. А ещё здесь обитает бычок-подкамешник, занесённый в Красную книгу.

Названия на Псковщине произносятся с ударением на первый слог: Заполье, Заплюсье. Едем по северной части Псковской области, самой чистой в экологическом отношении. И то - правда! Растёт тут всё. Вдоль всей трассы продают яблоки (большущие!), сливы, чеснок, лук связками, ягоды, грибы, в основном, белые. И недорого.

Во II веке здесь появляется много пустынь. Люди, стремящиеся душой к Богу, ищут уединения. Но очень скоро на этих же местах вырастут монастыри. Как говорится: монахи спрячутся от света (в смысле: от людей), а свет идёт за ними.

Монастыри разрастаются, богатеют. Но тут являются цари и щучат их. Пётр Алексеевич первым пытался разорять монастыри, сокращая их количество, чтобы присвоить богатства себе, то есть, государству. При Екатерине II количество монастырей сократилось до четырёхсот (не помню, сколько их было до этого, но намного больше). Царица ввела разрядную систему, из-за которой многие монастыри разорились окончательно. Деньги, естественно, поплыли в казну.

Ну, а уж в советское время и говорить не о чем. К 1937 году закрыты все монастыри, уцелел только Успенский Псково-Печерский монастырь, так как в это время он находился на территории Эстонии. По договору 1921 года эти исконно российские земли отошли ей. Возвращены назад в 1940. Кстати, когда мы подъезжали к Псково-Печерскому монастырю, многим экскурсантам пришли СМС на сотовые: Эстония приветствовала нас на „их землях“. Смешно! Попользовались в своё время - и хватит.

Но история делает крутые и неожиданные виражи. В 1943 году (видимо, припекло!) Сталин встречается с митрополитами, а в 1945 году монастыри в России начинают открывать. К концу XX века их насчитывалось уже пять-сот.

Ещё названия вдоль трассы. Лудони. Так назывался верхний слой земли, непригодный к земледелию. Неужто когда-то так было? Мараморочка, Цапелка, Ротный двор, Катержна - названия этих поселений отражены в легенде. Мол, в этих местах в давние времена действовали разбойники. Лют был атаман у них. Ни к кому жалости не проявлял: ни к старым, ни к малым. Но потом полубил девушку по имени Мара и не захотел больше разбойничать. Любовь - сильная штука. А „маруха“ бандитская видно отсюда и пошла.

Подъезжаем к Пскову. Город упоминается в летописях с 903-го года. В Пушкинскую эпоху это небольшой городишко с населением в десять тысяч. Дома здесь тогда были, в основном, деревянные, одна больница, несколько кожевенных и льняных заводиков. Жили в городе мещане, мастеровые. На территории города имелся ботанический сад, звался Летним. Во время Михайловской ссылки Пушкин посещал Псков, бывал у губернатора, захаживал в дом дворянина Назимова, в котором собирались офицеры расформированного Семёновского полка, находящиеся в Пскове на поселении.

Проезжаем мимо памятника „Пушкин и няня“. Очень мил. Псков очень похорошел с тех давних пор, но многое из того, что осталось, украшает его и делает особенным. Ярчайший пример - Псковский Кремль. Сохранены или восстановлены многие старинные дома. Ведь в годы ВОВ этот город пострадал страшно. В районе Крестов фашисты устроили лагерь для военнопленных и замучили здесь 65000 советских солдат и офицеров!

На всём протяжении Петербургско - Псковской трассы - обелиск на обелиске. Война не обошла этот край стороной, как и в давние времена.

Не успели оглянуться, а уже в Пскове. А вот во времена А.С. в день проезжали всего сто вёрст. От Тригорского до Москвы, к примеру, ехали десять дён. Пушкину, как мелкому чиновнику, полагалось 2-3 лошади, но у него было много друзей. Благодаря им, он добыл документ о беспрепятственной езде и ездил не по чину. Этой привилегией Пушкин пользовался особенно тогда, когда собирал материалы о Пугачёвском бунте.

Едем быстро. За окнами автобуса мелькают храмы, памятники. Кстати, памятник княгине Ольге в Пскове работы Церетели очень хорош. Говорят, москвичи, видевшие его, (памятник, конечно) обижаются на своего скульптора за то, что в Москве он делает уродов, а здесь соорудил шедевр. Обидно им!

Небольшие сведения о строительстве дорог в ту пору. Строили их таким образом: в сырых местах настилали брёвна - фашины (переводится, как „сырой угол“), сверху делали земляную насыпь. Осталось с тех пор имя инженера-англичанина, строителя псковских дорог: Макк Адам (пишу на слух, возможна ошибка).

В Пскове нас передают в руки другого экскурсовода. Звать её Галина Ивановна. С ней мы идём в Псковский Кремль. Все наши монастыри и кремли похожи друг на друга, только Псково-Печерский - исключение.

Псковский Кремль напоминает мне Кирилло-Белозерский, только тот больше. Всё здесь ещё предстоит возродить, но и сейчас видно по толщине и высоте крепостных стен, какая это была твердыня! Экскурсовод говорит, что взять её врагу было, практически, невозможно. Верим. Зато свои взяли, распнули и разрушили. Очень медленно идёт обратный процесс. Но даст Бог!

Посещаем Троицкий собор на территории монастыря. Ставим свечки. Мало информации сохранилось на сей раз в

моей голове. Экскурсовод ходит быстро, не дожидаясь всей группы, начинает рассказывать, нить теряется. Да ещё дождь идёт, не прекращаясь. Ну и ладно. Даст Господь, ещё приедем сюда. Кстати, Наташа Малинина в начале экскурсии привела такую статистику, что человеческий мозг усваивает всего 30% устной информации. А я после того, как поменялся экскурсовод, и 10% не усвоила. Минусище мне огромный!

В Псково-Печерском монастыре тоже почти ничего не увидели. Успенский храм закрыт на уборку. А там я хотела лучше рассмотреть их главную святыню: Чудодейственную икону Успение Пресвятой Богородицы. В Пещеры я не пошла, так как была в прошлом году. Зашли то ли в Никольскую, то ли в Лазаревскую церковь на территории монастыря. Поставили свечки за здоровье и за упокой.

Я приложилась к иконе Мученицы Татианы с частицей мощей. Впервые видела большую икону М. Татианы в храме. „Светло во страдании твоём возсияла еси, страстотерпице, от кровей твоих преиспещрена, и, яко красная голубица, к Небеси возлетела еси, Татиано: темже моли присно за чтущие тя“.

Всё. Поехали в Пушкинские горы.

Часть вторая. Пушкиногорье.

Что-то у меня в этот день не заладилось. Я заволновалась ещё на подъезде к Пушкиногорью. Столько времени мечтала об этой поездке, а такое ощущение, что всё идёт не так. Судите сами.

Когда прибыли с экскурсией в Пушкинские горы, не смогли купить приличные цветы. Местные продают какие-то „заноханые“ букетики. Купили с сестрой один. Уже настроение испортилось. Далее. Пошли с экскурсией в Успенский Святогорский монастырь. Прошли мимо памятника Пушкину работы скульптора Е.Белашовой (на обратном пути подойдём к нему).

Места чудные: дубы, липы, холмы, воздух травяной медовый. Просторы, озёра, реки, чистота кругом. Сам монастырь в очень живописном месте. Храм на горе. Построен по приказу Ивана Грозного в 1569 году на месте явления блаженному Тимофею иконы Божией Матери Одигитрии на Синичьей горе.

Первоначально на древнем городище была сооружена каменная церковь Успения Пресвятой богородицы. В 70-х годах XVIII-го века к храму были пристроены приделы: церковь Покрова Божией матери и церковь в честь иконы Одигитрии. В 1821 году на месте древней звонницы сооружена колокольня. У подножия Святой горы находилась Никольская церковь с 1573 года, а над Святыми воротами - Пятницкая церковь (до 1764 г).

К настоящему времени, кроме Успенского собора, сохранились лестницы, ограды XVIII века, трое ворот: Пятницкие, Никольские, Анастасьевские со сторожкой, здание келий братского корпуса с аркой посреди и воротами на торговый двор, где проходили ярмарки. Александр Сергеевич посещал ярмарки, слушал сочную народную речь, песни. Бывал он и в самом монастыре.

На территории монастыря хранились древние рукописи, и Пушкина не могло это не интересовать. Он был хорошо знаком с иеромонахом Василием, который тогда ведал монастырской библиотекой, благодаря этому Поэт часто пользовался русскими летописями, что потом пригодилось ему в работе над „Борисом Годуновым“. Здесь есть так называемая „келья Пимена“, связанная с именем Александра Сергеевича.

В 1941-44 годах монастырь был почти полностью разрушен гитлеровскими захватчиками. Была заминирована даже могила Пушкина. Сапёры сумели обезвредить мину.

Мы входим в Анастасьевские ворота, ведущие внутрь монастыря. Поднимаемся по каменной лестнице к Успенскому храму. Высота подъёма более пяти метров. За храмом с восточной стороны могильная плита, под которой

покоятся родители Поэта, дед, бабушка и его брат Платон, умерший в возрасте двух лет. Сюда ранним утром 5 февраля 1837 года привезли для захоронения гроб с телом А.С. Рядом с могилой родных - надгробный памятник Александру Сергеевичу.

Никаких изысков: простой белый мраморный обелиск вроде изготовленный по эскизу В. Жуковского, в нише - урна, накрытая покрывалом, венчают сооружение золочёный крест, звезда и два скрещенных угасающих факела. В центре - лавровый венок, на арке - лира. На чёрном цоколе памятника выбито золотыми буквами: Александр Сергеевич Пушкин.

У меня от волнения выступили слёзы на глазах. Мы с сестрой замешкались возле могилы Пушкина, а группа ушла. Не видя её, мы спустились по лестнице вниз, а группа, как оказалось, находилась в храме. Вокруг него стоят строительные леса, храм маленький, вход мы не заметили. Пока сообразили, что да как, группа спустилась вниз. Так что в надворной церкви Пушкиных мы не побывали.

Осмотрели двор монастыря. Кругом зелень. Монастырская стена поднимается уступами вверх. Экскурсовод рассказывает, что монастырь частично восстановлен в 1949 году в соответствии с сохранившимися документами.

Часть третья. Михайловское

*Приветствую тебя, пустынный уголок,
Приют спокойствия, трудов и вдохновенья,
Где льётся дней моих неведомый поток
На лоне счастья и забвенья.
Я твой: я променял порочный двор цирцей,
Роскошные пиры, забавы, заблужденья
На мирный шум дубров, на тишину полей,
На праздность вольную, подругу размышленья.*

„Дережня“, 1819г.

С утра следующего дня погода исправилась. Солнце встало уже в 7 часов, но туман после дождя создавал плотную пелену. После завтрака сели в автобус и поехали в Михайловское. Везде по пути следования, когда мы вышли из автобуса, нас препровождали указатели: камни с надписями, поклонные кресты, беседки. Здесь когда-то бродил Александр Сергеевич, садился на валуны, на скамейки, на траву. Искал образы, рифмы. Дух Пушкина витает здесь всюду.

Да, конечно, всё тут было разрушено немцами во время войны, сожжено и разграблено. Но, тем не менее, Пушкин присутствовал везде. У этих прудов, на тропинках, возле покрытых мхом валунов, у столетних елей и могучих дубов. Энергетика его осталась, не исчезла, не растворилась бесследно.

Наташа ведёт нас, останавливаясь время от времени, читает отрывки из воспоминаний современников А.С., его стихи. Всё здесь звучит значительно и к месту. Ощущение такое, что он среди нас, невидимый наблюдает, слушает, радуется тому, что мы его любим. А ведь любим! У всех экскурсантов какие-то добрые, просветлённые лица, все улыбаются друг другу. Ехали в автобусе чужие люди, а здесь как-то сразу словно породнились, стали общаться. Вот она связующая ниточка - наш Александр Сергеевич. Он всем нам словно родня. Пушкин - наше всё, кто бы и что ни говорил против этого!

На территории заповедника много прудов, небольших искусственных каналов, мостиков, скамеек. Вот сложенный из камней амбар, построенный при Григории Александровиче, сыне Пушкина. Хранилище для льна, который в больших количествах выращивали на псковщине.

Аллея Керн. Как-то прогуливаясь с Александром Сергеевичем по этой аллее, Анна Петровна несколько раз споткнулась об один и тот же камень. Пушкин подобрал его и потом хранил на письменном столе в своём кабинете до самой кончины.

Памятник юному Саше. Худенький мальчик, задумавшись, полулежит на траве, опершись на правую руку. Очень трогательный образ. В раннем детстве, как мы знаем, он был очень толстым и малоподвижным, а здесь изображён уже в подростковом возрасте после какой-то продолжительной болезни.

Ганнибалов Чёрный пруд. Это один единственный водоём, сохранившийся с пушкинских времён. Вода в нём совершенно чёрная. Издалека кажется, что там обрыв. За прудом огромные ели. Экскурсовод говорит, что раньше там водились зуи. Спрашивает, знаем ли мы, что это за птицы? Оказывается - обыкновенные серые цапли, которые вили гнёзда на ветках высоких деревьев.

Усадьба Пушкиных - это приданое матери Поэта, Надежды Осиповны, урождённой Ганнибал.

Предыстория: род Ганнибалов получил эти земли во времена Елизаветы Петровны. Арап Петра Великого после смерти царя был выслан Меньшиковым в Сибирь, но царица вспомнила, когда взошла на трон, верного слугу отца и вернула его, одарив землями. Абрам Петрович Ганнибал сам выбирал уголья. Его африканская губа была не дура. Господские дома ставились на вершинах холмов, с которых все окрестности были видны, как на ладони.

Вот дом С.Гейченко, посвятившего большую часть своей жизни и души восстановлению Михайловского и Тригорского. С 1945года по его творческим замыслам восстановлено всё, что мы видим в заповеднике. Рядом с домом растёт огромный, ветвистый дуб. Сейчас в ветвях только домик, („Белка там живёт ручная...“) а раньше, говорят, была и цепь с котом, и русалка на ветвях. Будет!

Барская усадьба Пушкиных. Хорошо обустроенный дом, со вкусом обставленный, ничего лишнего. Вид из окон на речку Сороть, в которой Пушкин, будучи в Михайловском, купался по утрам с весны до поздней осени. Сверху от парадного крыльца, вниз к реке ведёт большая крутая лестница. Зимой для него в бане наливали в боль-

шой чан холодную воду с кусками льда, и он принимал ванны.

Просторы сверху от усадьбы открываются необъятные. Пойма реки, за ней красивое Петровское озеро. За озером - имение Петра Ганнибала, дяди Пушкина. Он плавал туда на лодке, бывало, ссорился с дядей, и на какое-то время посещения прекращались, но потом они опять мирились и общались. Вдалеке стоит ветряная мельница. Просто стоит. Наташа рассказывает, что в старые времена мельницу почти не останавливали. Но если вдруг она стояла без дела, то вся округа знала, что у мельника праздник. Теперь, говорит она, у мельника праздник всё время.

Любил Александр Сергеевич и пешие прогулки. Одевался просто, легко, брал с собой трость и бродил по парку, по лугам. Трость весила 3-4 килограмма и служила ему таким образом: время от времени он высоко подбрасывал её вверх и ловил. Когда знакомые спрашивали его, для чего он так делает, он отвечал, что укрепляет руку для того, чтобы не промахнуться во время дуэли. А дуэлянт он был редкостный. Нрав имел вспыльчивый и до роковой дуэли 37-го года многократно стрелялся по самым различным поводам.

Наездником он тоже был великолепным, верховые прогулки совершал регулярно, носился на коне с бешеной скоростью.

Домик няни, любимое место отдыха А.С. Домик - собственно - баня. В одной половине мыслился господа, в другой в летнее время жила Арина Родионовна. В зимнее время она находилась в господском доме, занимала большую комнату. Так как Пушкины были не богаты, то флигель для прислуги позволить себе не могли. У няни в комнате собирались дворовые девушки, пряли, вышивали. Сюда частенько навещался Александр Сергеевич послушать сказки нянюшки, которые она рассказывала девушкам.

Кстати сказать, Арине Родионовне господа подписали „вольную“, но она до самой смерти оставалась в их се-

мье. В последнее время появляются сведения, что она была довольно грамотным человеком, будто бы даже иностранными языками владела. Может быть, она и умела изъясняться по-французски, женщина-то она была не глупая, а скорее наоборот. Тем более, что господа в основном балакали не по-русски.. Но в усадьбе есть письмо, написанное от её имени А.С. не ею самой, а кем-то под её диктовку. Умильное письмецо.

День становится всё краше. Туман рассеялся. Тепло. Небо бескрайнее, голубое. Птицы поют. Направляемся в Тригорское. А по пути останавливаемся у „Трёх сосен“, здесь заканчиваются владения Пушкиных. Невдалеке от сосен лежит большой камень, на нём выбиты Пушкинские строки:

„Вот холм лесистый, над которым часто
Я сживал недвижим и глядел
На озеро, вспоминая с грустью
Иные берега, иные волны...“

„Вновь я посетил...“ 1835 г.

Часть четвёртая. Тригорское и ещё чуть-чуть...

Барская усадьба в Тригорском - длинное одноэтажное здание. Хоть Александр Сергеевич и называл её замком, но это мало соответствует действительности. По фасаду дома большое количество окон, крыша покрыта тёсом. Но внутри уютно и комфортно.

Тригорское неразрывно связано с именем Пушкина. Здесь он был частью семьи Осиповых - Вульф, любимцем, баловнем, хозяином их душ и чаяний. Старшая дочь Анна была влюблена в Пушкина, писала ему письма. Некоторые её послания напоминают известное „письмо Татьяны“. Она надолго пережила Поэта, так и не выйдя замуж.

Он чувствовал их любовь, вёл себя, как мальчишка: дурачился, рассказывал бесконечное количество анекдо-

тов, писал мадригалы, заливался весёлым смехом, заражая окружающих весельем.

У Осиповых он встретил вдохновительницу одного из самых ярких своих лирических произведений - Анну Керн. Сидя на „скамье Онегина“, искал слова и образы для поэмы „Евгений Онегин“. Здесь им написано огромное количество стихотворений.

Мы рассматриваем внутреннее убранство комнат, любуемся портретами. Разглядываем предметы быта. Среди них есть подарки Александра Сергеевича обитателям Тригорского.

Затем гуляем по тем местам, где когда-то давно прогуливались по тропинкам усадьбы местные дамы в обществе Пушкина. Замечательной красоты места, огромные старые ели, дубы, липы. Всё обихожено и обихаживается постоянно. То тут, то там что-то ремонтирует обслуживающий персонал заповедника: поправляют плетни, косят траву, заделывают пустоты в старых деревьях. Свистят и порхают птицы, говорят, что в окрестных парках есть белки. Вот скамья Онегина на крутом откосе под огромными дубами, вот Аллея Татьяны, ель-шатёр, солнечные часы, грот, каскадные пруды, беседки, скамейки....

Да, пусть восстановленное, искусственно сделанное, посаженное, но „намоленное“ с любовью и почитанием, с уважением, с гордостью за то, что являемся его соплеменниками!

Находились, надышались, налюбовались, наобщались. Хочется ещё и ещё приехать сюда, пожить подольше, соприкоснуться с радостью. Пусть сбываются мечты!

Многое ещё не рассказала о Михайловском, Вот, к примеру, о потешных пушках - фамилия обязывала.

Небольшие пушечки-мортирки заряжались конфетти, лентами, и устраивались небольшие фейерверки по праздникам, в именины, в честь приезда гостей. Последний владелец Михайловского - сын Поэта Григорий - обихаживал

усадьбу и очень её любил, прожил здесь более тридцати лет. При нём в память об Александре Сергеевиче возле парадного крыльца посажены кругом 26 лип, в центре круга - вяз. По старому стилю Пушкин родился 26 мая. Григорий же раскопал древний курган на территории поместья. Рассказывают, что он безутешно рыдал, когда усадьбу пришлось продать, кто-то из ближайших родственников разорился. С помощью частных пожертвований усадьбу приобрело государство для устройства здесь заповедника.

Вот такова моя пушкиниана в этом году. Я счастлива этим.

ЧИТАЯ НАБОКОВА

„ ...После 1914 годам больше его не видел. Он тогда в последний раз уехал за границу и спустя два года там умер, оставив мне миллионное состояние и петербургское своё имение Рождествено с этой белой усадьбой на зелёном холму, с дремучим парком за ней, с ещё более дремучими лесами, синеющими за нивами, и с несколькимистами десятин великолепных торфяных болот, где водились замечательные виды северных бабочек да всякая аксаково-тургенево-толстовская дичь“.

Вл. Набоков „Другие берега“

Не предаюсь пустому гневу,
Не проклиная, не молю;
Как изменившую мне деву,
Отчизну прежнюю люблю.
Но как я одинок, Россия!
Как далеко ты отошла!
А были дни ведь и другие:
Ты сострадательна была.

Какою нежностью щемящей,

Какою страстью молодой
Звенел в светло-зелёной чаше
Смех приближающийся твой!
Я целовал фиалки мая, -
Г лаза невинные твои, -
И лепестки, всё понимая,
Чуть искрились росой любви...

И потому, моя Россия,
Не смею гневаться, грустить...
Я говорю: глаза такие
У грешницы не могут быть!

Вл. Набоков „, России “

Несколько дней и даже ночью читала Набокова. Сначала - „Другие берега“, а затем другие рассказы и стихи.

Уже отметила для себя ностальгический характер большинства его произведений и опрометчиво соотнесла его произведения с произведениями И. Шмелёва. На самом деле сходства нет. Единственное, что объединяет творчество этих двух больших писателей русского зарубежья, - ностальгия по Родине. Я их воспринимаю даже в различной цветовой гамме.

Если Шмелёв ассоциируется у меня с золотисто-оранжевыми тёплыми красками, то Набоков - с холодными бледно-голубовато-зелёными тонами.

Шмелёв - радостен, распахнут, щедр и добр к окружающим. Набоков - отстранённо холоден, брезгливо нетерпим к людским недостаткам. Несколько даже „брюзглив“, замкнут и одинок. Просто внимательный наблюдатель. Барин. Англичанин.

Но оба талантливы, несомненно, и интересны каждый по-своему.

Сегодня проснулась и пока лежала, раздумывая об этом и вспоминая недавний сон, навеянный произведениемми Набокова, пошли строчки:

Переплетаются в сознании
Чужие мысли и признания.
Пытаясь мысль свою внедрить,
Теряю осмысленья нить.
Я здесь заведомо чужая
И, в жизнь иную погружаясь,
Иду, бегу, плыву, лечу,
О чём-то плачу и кричу.
И в мир изменчивый и странный
Пытаюсь вжиться, как ни странно...
И просыпаюсь. В тишине
Живёт чужая жизнь во мне
Какой-то миг. Прощай, интрига!
Вчера прочитанная книга
Свершила тайный пируэт
Во сне, внедрив меня в сюжет.

ДАВНЕЕ

*„...смерть каждого Человека умаляет и меня,
ибо я един со всем Человечеством,
а потому не спрашивай, по ком звонит колокол:
он звонит по Тебе“.*

Джон Донн - поэт, священник XVII век

Сегодня день памяти тётушки Анны, папиной сестры. Мы, дети, звали её тётя Нюра. В связи с этим днём, вспомнились отдельные случаи из жизни, связанные с ней. Если вдуматься, то каждый человек уникален и неповторим. Но пока он жив, не думается так, а когда умрёт, ты понимаешь, что он был частью и твоей жизни. Поневоле вспомнишь слова: „По ком звонит колокол“.

Тётя Нюра прожила большую часть своей жизни в Ленинграде. К нам в гости, в сельскую местность, приезжала каждый год, чтобы проведать свою мать - бабушку Лизу, которая жила с нами. Тётя казалась нам довольно строгой, так как она ворчала на бабушку и частенько казалась недовольной. Но, тем не менее, мы относились к ней, как к неотъемлемой части нашей семьи и воспринимали всё, как должное.

Кое-какие факты её биографии нам были известны со слов мамы. Некоторая стервозность её характера явилась их следствием. Во время войны тётя Нюра работала в пекарне и жила у бабушки с дедом. А они, в свою очередь - с нашими родителями, соответственно с сыном и невесткой.

Она была незамужней, но у неё в то время уже была маленькая дочь Люся. Её гражданского мужа Николая забрали в армию, где он бесследно стигнул. Мама упоминала о том, что уже и тогда тётушка была довольно-таки нервной особой. Будучи несдержанной на слова, она высказалась не очень лестно о ком-то из правительства, возможно даже о Сталине. За что и расплатилась сполна, получив пять лет лагерей общего режима. Но это было в те времена рядовым событием.

Её дочь Люсю через какое-то время после войны забрали, признавшие её своей, ленинградские родственники: мать и сестра Николая. Тётя после освобождения тоже поселилась в Ленинграде. Конечно, я знаю о ней не так много, но сегодня я вспомнила некоторые эпизоды из своей жизни, связанные с именем тёти.

Эпизод первый.

Есть у моего организма некая особенность: почти каждый свой День рождения я заболеваю. Тогда мне исполнилось шесть или семь лет. Мама, как обычно на наши Дни рождения, пекла пироги. Хлопоча около печки, она несколько раз окликнула меня из кухни, удивляясь, что я

не встаю. Я была ранней пташкой. А я почему-то не могла оторвать голову от подушки.

Управившись, мама подошла к кровати, наклонилась ко мне: „Танюшка, ты что не встаёшь, ведь у тебя сегодня День рождения!“ Она включила свет и вдруг встревожено посмотрела на меня, затем пощупала лоб: „Ох, девка, ты вся горишь!“ Градусник показал температуру близкую к 40 градусам. Внимательно осмотрев меня, мама поняла, что я заболела „желтухой“, то есть, болезнью Боткина - гепатитом.

Это было очень странно, если учесть, что ни в школу, ни в детский сад я не ходила, жили мы в отдалении от других, и старшие сестра и братья не заболели. Теперь-то я знаю о том, что Стрельцы обладают слабой печенью, а тогда была вспышка гепатита в нашей местности. Короче, загремела я в больницу. Лежала долго, болезнь протекала тяжело, с высокой температурой. Мне делали переливание крови, кормили молочными кашами и супами без соли, но с большим содержанием сахара.

Почти все продукты питания были исключены из моего рациона. Я плакала и просила маму принести мне не конфет и пряников, а что-нибудь кислое или солёное, что было категорически запрещено. Спросите: причём здесь тётя Нюра? Она в очередной раз приехала к нам в гости, но в этот раз почему-то зимой. Работала она в Питере в тепличном хозяйстве, поэтому в качестве гостинцев привезла редкие тогда тепличные помидоры. Мама принесла парочку мне и потихоньку от врачей скормила. Мне кажется, я до сих пор помню их божественный, как мне тогда показалось, вкус. И ассоциируется он у меня с именем тёти.

Эпизод второй.

Я тогда училась в начальной школе. На летних каникулах мама решила свозить нас с младшей сестрой в Ленинград. Остановились мы у тётушки Нюры. Жила она тогда в двухэтажном деревянном бараке, на окраине города,

недалеко от тепличного хозяйства, в котором работала. Улица, на которой находился дом, называлась Липовая Аллея. Там и впрямь повсюду росли огромные липы, распространявшие вокруг сладкие медовые запахи.

Тётя занимала крошечную комнату на втором этаже. Нас водили в зоопарк, возили в Петергоф, кормили эскимо. Деликатесов особенных я не помню, да и с чего их было покупать, зарплаты были небольшими. Но тётя варила какой-то очень вкусный суп. Мне страшно нравился его запах и вкус. Я спросила у неё, что она добавляет в суп.

- Петрушку и сельдерей, - ответила мне тётя Нюра. Никогда до этого я не пробовала этих трав, но с тех пор полюбила и люблю до сих пор в любом виде. Самое странное, что от первой поездки в Великий город, во мне осталась память не о его достопримечательностях, а о вкусе супа, сваренного моей тётушкой.

Эпизод третий.

В следующий мой приезд в город-Герой именно тётя Нюра открыла для меня некоторые тайны бытия, крайне поразившие меня.

К тому времени я уже была пионеркой и знала то, что Бога нет, и верят в него только малограмотные старушки, наподобие нашей бабушки Лизы. Священники в моём представлении все были либо плюгавыми с козлиными бородками или такими, как в сказке А.С. Пушкина „О попе и работнике его Балде“.

Тётушка повела меня в церковь, что находилась на Серафимовском кладбище. Идти я побаивалась. Мне казалось, что я совершаю какой-то постыдный поступок, о котором все непременно узнают. Но тётя Нюра как-то ненавязчиво уговорила меня, что ничего плохого в посещении церкви нет, что я просто посмотрю и всё.

Сказать, что созерцание внутреннего убранства храма удивило меня, значит не сказать ничего. Это был шок! Мне казалось, что все стены, купол и даже пол покрыты

чистым золотом. В свете огромных паникадил, свеч, лампад всё вокруг сверкало и переливалось. Наличие большого количества народа разновозрастного и разнополого поразило меня не меньше. Но самый большой шок я испытала, когда увидела священника. Он был молодым, красивым, стройным и большеглазым мужчиной, с небольшой окладистой чёрной бородкой.

Голос его, густой баритональный, чистый, гремел под сводами храма, эхом разносился по всем его уголкам. Певчие на хорах вторили ему созвучно и слажено. Это был другой мир, красивый и таинственный, о котором я не знала ничего. И это была первая серьёзная трещина в моей прежней убеждённости отсутствия Бога.

Не знаю, когда стала верующей тётя. Возможно, это произошло в лагере, как у большинства людей, попавших туда, которым полагаться, кроме Бога, было не на кого.

Эпизод четвёртый.

Тётушка Нюра очень любила грибы в любом виде. Приезжая к нам летом, она первым делом шла в ближайший лес. Зачастую и я ходила с ней. Грибы в лесу бывали не всегда. Иногда был неурожайный год, а иногда тётя приезжала ещё до грибного сезона. Мы были приучены папой собирать только определённые грибы: подосиновики, белые, подберёзовики, маслята, волнушки, грузди. И не собирали ни сыроежки, ни другие сомнительного вида грибы, обзывая их поганками.

Так вот, тётушка собирала в свою корзину большую часть этих „поганок“. Когда я пыталась её остановить, она отвечала: „Вот я их дома помою, отварю, со сметанкой пожарю - тебя за уши не оттащить будет!“ На что я отвечала категорическим отказом. Ну, вообще-то я их и не ела, невзирая на уговоры тёти. А она ела и посмеивалась надо мной. Надо заметить, ради справедливости, что обжаренные „поганые“ грибы пахли ничуть не хуже подосиновиков. Но слово - не воробей, отказалась так отказалась. Это

теперь я знаю, что грибы, которые собирала тётушка, были вполне съедобными и даже названия их тоже знаю.

Эпизод пятый.

Зимой тётка Анна (так называла её наша мама) писала бабушке Лизе письма и посылала посылки из Питера. Письма читали бабушке мы, так как та была неграмотной. О чём тётя писала, я уже не помню, а вот посылки, вернее их вложение, помню хорошо.

Зарплата у тёти была небольшая, поэтому в посылках не было ничего дорогостоящего, но всё было тщательно и любовно упаковано. Это были недорогие конфеты „дунькина радость“ или леденцы. Очень вкусные маленькие сушки: маковые, ванильные, лимонные. Сухарики в красивых упаковках по десять штук в каждой: горчичные и ещё какие-то, рассыпчатые и душистые. Их очень любила бабушка. Ну, и нам перепало что-то из этих посылок.

Чуть позже в посылках стали приходиться ещё супы в пакетиках или, как мы их называли „суп со звёздочками“. Какими они были вкусными и душистыми тогда! С вермишелью в виде звёздочек (отсюда название), с кусочками сушёного мяса и овощей, с какими-то неповторимыми приправами и специями. Цвет у супа был золотой. В глубинке у нас таких вкусностей тогда не было. Мама варила обычные! щи и супы с мясом.

Ещё тётя Нюра присылала просфоры и восковые свечи для бабушки, для выполнения треб. Она была верующей, но церковей и церковных лавок не было и в помине там, где мы жили.

Эпизод шестой и последний.

Я заканчивала школу. Близился выпускной. Платье для вечера мне послала сестра Нина, а вот с туфлями была беда. Их не было ни в одном ближайшем магазине. Хоть босиком иди. Маме было не до меня и моих проблем. Она работала, дома бывала редко, на мои просьбы отвечала ко-

ротко :„Где я их тебе возьму?“ И я решила, что на вечер не пойду. Но тут приехала тётя Нюра.

Поругав нас за то, что мы ничего не написали ей о проблеме, она ещё раз обошла все имеющиеся в селе магазины. Туфлей не было.

- Таня, пойдём в дальние Бадоги! - сказала она мне, где-то услышав, что там есть белые босоножки. До деревни, где находился данный магазин, было километров восемь, а у тёти болели ноги. Я знала об этом и стала её отговаривать. Но тётушка была с характером: „Дойду!“

Чешские кожаные белые босоножки 36 размера, с модными каблучками были в магазине в одном единственном экземпляре, стояли на полке и ждали нас. Выпускной состоялся. А тётя Нюра после похода долго держала ноги в напаре трав, покряхтывая от боли и растирая суставы руками. Она и умерла через полтора года от болезни, связанной с заболеванием костей.

Вспоминая её сейчас, я явственно представляю себе тётю: высокая сухощавая женщина, с хорошей осанкой и высокой грудью. У неё были красивые длиннопалые руки, тёмные гладкие волосы, собранные в валик на затылке, синие глаза. Она всегда была очень опрятной и подтянутой. Не была красивой, но была привлекательной. Лицо тётя Нюра имела худощавое, смеялась громко, показывая крепкие и плотные, слегка желтоватые зубы.

Почему она больше не вышла замуж, наверняка у неё были ухажёры? Скорее всего, она посвятила свою жизнь единственной дочери, которую беззаветно и преданно любила, делая для неё всё, что было в её силах. Тётя Нюра - одна из многих женщин нашей многострадальной страны, по судьбе которой прокатилась неостановимая государственная машина.

Я помню тётушку, потому что это часть и моей жизни.

09.01.2011

ПРО ВЕРУ

Я всегда была человеком маловерным и сомневающимся. До определённого возраста я вообще не задумывалась о том: есть Бог или нет Его. Крестилась я уже, будучи взрослой. Конечно, теперь сомнения иссякли, так как я знаю, что без Бога - не до порога. Я молюсь по утрам и вечерам Господу, Ангелу-хранителю, Богородице и другим святым - нашим небесным заступникам. Чувствую их помощь и поддержку. Хотя ещё почти ничего не делаю для того, чтобы стать воцерковленной. Грешна. Но что-то пока удерживает меня от того, чтобы стать другой. Скорее всего, грехи и держат.

Я люблю общество, люблю ходить на всевозможные мероприятия. Контактна, разговорчива, открыта и прямолинейна. Круг знакомых у меня разнообразен, интересы различны, увлечения постоянны. Мои многочисленные знакомые частенько задавали мне один и тот же вопрос: верю ли я в Бога? И когда я отвечала утвердительно, удивлялись. А я приводила им в пример всего два случая из своей жизни, которые убедили меня в существовании Бога, и в том, что Он слышит и помогает нам в трудных жизненных ситуациях. Возможно, кому-то они покажутся несерьёзными.

Случай первый. Я тогда училась на первом курсе одного учебного заведения. Как-то я оказалась в очень затруднительном материальном положении. Стипендия и деньги, посланные из дома, закончились, взять их было нелегко, до следующих денежных поступлений было, как до луны пешком. Когда молод, хочется есть. А кто тебя накормит в чужом городе? Правильно - никто! День-два выдержишь, а потом хоть волком вой.

Поднимаюсь я по лестнице на пятый этаж в своей общаге, еле ноги волоку и думаю: „Хоть бы пять рублей найти!“ В то время на пять рублей можно было неделю протянуть. Только я так подумала, смотрю: на площадке

лежит новенькая пятирублёвка! Наверное, это мне с голоду мерещится! Нет, и впрямь лежит. Поднимаю, оглядываюсь назад на лестницу, заглядываю в коридор: нигде и никого, ни одного человека. Каково?

Правда, спустя какое-то время, последнюю пятёрку из стипендии у меня обманом забрала цыганка. Так что за всё приходится платить. Но тогда эта пятирублёвая купюра спасла меня почти что от голодной смерти. Но самое главное то, что я тогда не была крещёной, а Он уже заботился обо мне.

Случай второй. Я была уже довольно взрослой женщиной, обременённой большой семьёй. Времена настали тяжёлые - лихие девяностые. В то время очень многие семьи стояли на грани распада из-за того, что не каждый мог выдержать груз навалившихся непростых забот. Зарплаты не выплачивались, работали почти за бесплатно, по инерции. Наша семья тоже рушилась, отношения с мужем были крайне напряжёнными. Мы почти не разговаривали.

Я работала на предприятии, где предусматривался служебный транспорт. Но мы работали и по воскресеньям, и в такой день добирались своим ходом. Уже собравшись в один из таких дней утром на работу, я вспомнила, что денег на проезд у меня нет. Обратившись к мужу, попросила у него пять рублей (столько стоил тогда проезд). Он мне не ответил, хотя я знала, что он получил зарплату. Повторив свою просьбу, я снова не получила ответа.

Делать нечего, придётся добираться пешком. Уже выйдя из дома, я прикинула, что если я до минимума сокращу путь, пробираясь через всевозможные помойки, мимо частных домов, и если даже всю дорогу буду бежать - всё равно опоздаю на работу. Ненависть к мужу нахлынула волной. Ведь его предприятие не платило ему за работу года два, и я содержала всю семью на свою небольшую зарплату, выкручиваясь, как только можно. А теперь они стали выкарабкиваться, тогда как наше заведение наоборот пошло ко дну.

„Чтоб ты сдох!“ - вслух произнесла я. В то же самое время меня словно кто-то толкнул в грудь. Я опустила глаза и увидела на тропинке перед собой несколько монет, в общей сложности там было чуть больше пяти рублей. Меня просто пот прошиб от страха из-за своих злых мыслей. „Господи, прости меня, дуру неразумную и грешную!“ - мысленно произнесла я. Дошла до остановки, села в автобус и вовремя добралась до работы.

Если это не Божий промысел, то что тогда?!

РАССКАЗЫ О МАМЕ

(двадцать миниатюр)

ПРО МАМУ

Вместо предисловия

Становясь старше, мы всё чаще оглядываемся назад. Вспоминаем юность, детство, родителей. Мы с сестрой больше вспоминаем маму, когда время от времени наведываемся в опустевший теперь родительский дом. А дом - это большая часть жизни нашей мамы, он связан с ней неразрывными нитями.

Мама после смерти папы долгие годы жила одна.

Умерла всего несколько лет назад. И когда мы находимся в родном доме, то постоянно ощущаем её присутствие, дух её витает где-то рядом. Никакой жути в этом нет, наоборот, чувствуешь спокойствие и мамину постоянную поддержку.

Мама прошла долгую и трудную школу жизни. Столько всевозможных дел переделали её маленькие руки! Ещё в раннем детстве, будучи старшей дочерью в большой крестьянской семье, она познала труд во всей его тяжести. Ведь спрашивали за всё, как со взрослого человека.

Бабушка наша была женщиной суровой, властной и тяжёлой на руку. Её тоже можно понять: жизнь не кормила

сладкими пряниками, а всё больше применяла кнут. Выжидали в тех условиях только за счёт постоянного труда.

Окончив семилетнюю школу, мама уехала поступать в техникум, исполнилось ей тогда всего четырнадцать лет. Маленький, худенький деревенский подросток, плохо одетый и обутый, попадает в большой шумный город. И все четыре года учёбы, приезжая домой на летние каникулы, она работала в поле с первого дня до самого отъезда на учёбу. Никакой скидки на то, что отец её был председателем колхоза.

- Бывало, взмолюсь: „Мама! Дай ты мне хоть денёк отдохнуть! - рассказывала нам она, - А мама мне в ответ: „Что ты, Валюшка, трудодни надо зарабатывать!“

Успешная учёба, распределение и вдруг - война! Эвакуация и опять возвращение в родные места. И труд, труд, труд!!

Как результат: медаль За доблестный труд в ВОВ, занесение в районную Книгу почёта, звание Ветеран труда, а к ним ещё, наверное, самая главная награда - Медаль материнства. Несколько юбилейных медалей к Дню Победы.

Почему я пишу о маме? Потому, что её жизнь - это школа мужества, стойкости, решительности, школа оптимизма и школа выживания.

Она не умела хлюздить, не сдавалась в трудных жизненных обстоятельствах, бралась за любую работу по поговорке: „Не боги горшки обжигают“. Не было одежды - садилась за швейную машинку. Нужно украсить дом - вязала салфетки и коврики на стену. Нет краски, чтоб выкрасить пол, - отдраит половицы голиком с дресвой до янтарного цвета. К праздникам и Дням рождения - целый стол пирогов. Да каких!

Косила траву наравне с мужиками, метала стога, корила брёвна, когда строили новый дом. Коровушки у неё всегда были чистые, опрятные, ухоженные. Молока давали по два ведра в день. Тыквы вырастали с карету. Насолит огурцов, капусты, рыжиков! Намочит брусники ушатами!

Уж голодными-то мы не бывали, а семья - восемь Я.

Домашний труд - дело второстепенное. А ведь была ещё и официальная работа. Кем работала мама? Немножко - заведующей магазином. Ушла, потому что приходилось прогибаться перед местными чиновниками, выдавать им продукты, которые полагались только эвакуированным и семьям участников войны. Шёл 41-й год. Принципиально не идя на поводу у проходимцев, она продержалась в этой должности год. Замучили бесконечными проверками. После очередной мама положила заявление на стол и ушла работать в Райзо в качестве участкового зоотехника.

Через десять лет работы она переведена на должность начальника отдела управления по животноводству. За это время её выбирают депутатом, ещё была у неё должность (можно сказать общественная, по совместительству) - завуч вечерней РКШ.

Неравнодушная, принципиальная - она не всегда нравилась руководству. Но в деловых качествах ей нельзя было отказать, а посему и грамоты, и премии, и районная Книга почёта.

После официального выхода на пенсию она продолжала работать в различных учреждениях. Несколько лет была буфетчицей в столовой. Не для денег, а для того, чтобы находиться среди людей. Брат Володька смеялся, рассказывая, как мама проторговалась, продавая пиво.

- Представляешь, она наливала пиво в кружку, ждала, когда осядет пена, и доливала её до верха, а ведь тот, кто присылал бочку с пивом, уже не долил в неё, зная, что торгующий пивом всегда имеет навар!

- Как же я буду не доливать, стыдно! - в ответ возмущалась мама.

Потом она работала в лесхозе до окончательного ухода на заслуженный отдых.

Помимо работы она участвовала в местной самодеятельности, пела в составе женского ансамбля. У неё был хороший, чистый голос. Самодеятельные артисты высту-

пали не только в своём селе, но ещё и ездили „на гастроли“ в соседние населённые пункты. Их там хорошо знали, любили и ждали. Очень любила мама плясать. Когда была помоложе, ходила на праздники в Дом Культуры, и если играли „русскую“, то переплясать её не мог никто!

Ей до самой смерти не надоедали люди. У неё всегда были подруги, они общались, отмечали вместе праздники, пели, плясали! Если мы приезжали к маме в гости, то тоже собирались со своими подругами у нас в доме.

Когда после маминой кончины мы разбирали с сестрой её бумаги, то нашли много записей. Это были конспекты речей наших правителей. Она хотела знать всё, что происходит в стране. Выписывала незнакомые, вошедшие в обиход в последнее время слова. Напротив каждого была „расшифровка“.

Наверное, большинство наших матерей именно такие, но я знала свою мать лучше, чем кого-то, поэтому считаю своим долгом рассказать о ней! Ведь мама - это целая Эпоха, это прошлое, которое нельзя забывать!

ПРО МЕРИНА

После окончания сельхозтехникума мама по распределению попала в Псковскую область. Получила должность участкового зоотехника. Участковый зоотехник - должность ответственная, спросу много, обслуживать нужно огромное хозяйство. Бригады в отдалении друг от друга, без транспорта не обойтись. А какой транспорт в колхозе перед войной? Лошади.

Участковому зоотехнику лошадь положена по штату. Мама, совсем девчонка, ростик - метр с кепкой. Но, как говорится, мал золотник, да дорог.

Местные решили подшутить над новоявленным зоотехником. Подговорили конюха, и тот выделил ей мерина. Всё бы ничего, подумаешь: мерин. Да загвоздка-то была в

том, что конь был высоченный - в холке более полутора метров.

Сидят местные скалозубы и ждут развязки. Подали маме мерина, посмотрела она на него, потом подвела к изгороди, влезла на неё, а с изгороди - на коня. Села и поехала, ах, хорошо! Шутники рты поразевали, а девчонки и след простыл. Они ведь не знали, что мама была дочерью председателя колхоза и с раннего детства ездила в ночное наравне с мальчишками. Что ей какой-то мерин!

А мерина она вспоминала с любовью: „Такого хорошего и послушного коня я больше не встречала“. Когда мы с сестрой после маминой кончины разбирали её документы, то нашли одно странное на наш взгляд служебное удостоверение, именовалось оно „Инспектор по коню“, которое было оформлено на мамино имя. У „Инспектора по коню“ были обширные обязанности и права.

СХВАТИТЬ БЫКА ЗА РОГА

Произошёл этот случай несколько позже истории с меринком, где-то сразу после войны. Мама работала также участковым зоотехником, но уже в другом колхозе.

В её обязанности входила проверка содержания и кормления животных, качества дойки, жирности молока, и ещё многое другое.

Как-то мама приехала в отдалённую бригаду на молочно-товарную ферму. Она находилась внутри фермы, когда услышала людские крики, тревожное мычание коров и какой-то неопределённый гул.

Выглянув, она увидела такую картину. По проходу фермы, угрожающе опустив к земле голову с огромными рогами, издавая глухой утробный рёв, двигался сорвавшийся с цепи гигантский бык-производитель. Ещё немного, и он разнесёт в щепки всё, что попадётся на пути!

Почти интуитивно, не думая о последствиях, мама кинулась быку наперерез и схватилась руками за его рога.

В тот же момент бык поднял голову, и мама повисла в воздухе. Женщины, наблюдающие издали за быком, закричали от страха. А бык, по-видимому удивившись, остановился. Его огромные налитые кровью глаза оказались напротив маминого лица.

Ещё миг, и он сбросит её на землю и растопчет! Но ничего страшного не произошло. Бык вдруг успокоился и дал увести себя подбежавшему заведующему фермой.

Когда мама, спустя много лет, рассказывала нам эту историю, мы тоже готовы были завизжать от страха, представляя себе эту картину: огромный разъярённый бык и висящая на его рогах мама. Но она не считала этот случай геройским, а говорила, что в этот момент, якобы, вспомнила, что быка можно остановить именно таким способом. Я думаю, что она просто успокаивала нас, девчонок.

Вот такая отчаянная была у нас мама!

ПОДРУГИ

Животные тоже умеют дружить. Не верите? А я расскажу вам одну историю из жизни животных. Мама нам её поведала.

Была у нас в хозяйстве корова Майка - крупная, с большими рогами, с огромным выменем. Бодливая и сердитая. У Майки имелась подруга-коровушка. Имени её я не помню, назову её Ночкой.

Пастухи, пасущие коров, рассказывали, что Майка и Ночка стоят друг за друга горой. Если вдруг одну из них попытается кто-то обидеть, вторая - тут как тут. И обидчику или обиднице приходится туго.

Если одна из подруг отбивалась от стада, вторая бежала за ней, и остановить её пастухи не могли. Поэтому частенько жаловались маме и хозяйке второй коровы на плохой характер их животин. Правда, мама не очень-то и верила этим „рассказням“.

Случай же, который поразил маму и заставил её из-

менить своё мнение на этот счёт, таков. Как-то раз мама проспала. Зная нашу маму, в это слабо верится. Но ведь бывает и „на старуху проруха“.

Дом наш находился в отдалении от дороги, по которой пастухи выгоняли коров на пастбище. Мама проснулась от того, что под окнами громко мычала чья-то корова. Посмотрев на часы, она увидела, что прозевала выгон Майки.

- Господи, что ещё за корова под окнами мычит?

Выглянув в окно, мама увидела Майкину „подружку“.

Оказывается, Ночка, не увидев своей подружки, выбежала из стада, увернулась от пастухов, которые старались её удержать и, задрвав хвост, помчалась за Майкой. Прибыв под окна нашего дома, стала „трубить“ и таким образом разбудила маму, а та, в свою очередь, отвела коров на пастбище.

ПОБЕРЕГИ ГЛАЗА!

Через несколько лет после войны отменили карточки. Все этому были несказанно рады. Только дефицит как был, так и остался. А дети растут, одевать, обувать нужно, да и сами пообносились. Придётся ехать в город за материалом. Мама собрала имеющиеся в наличии деньги, немного подзаянля ещё у более богатых соседей и покатила в Питер.

Народу в магазинах много, везде очереди, но и товар есть. Продавщицы молодцы, видят, что женщины приехали из села и потихоньку шепнут: „Не берите сейчас ткань, после обеда уценка будет!“ И правда, на самом деле - уценка!

Набрала мама тканей много, на всё, что собиралась сшить, хватит, да ещё и на потом останется. Довольная, села в трамвай и покатила в сторону вокзала. Вдруг видит: стоит впереди женщина, хорошо одетая, в шляпке, с су-

мочкой. А в сумочку к ней вор лезет. Уже руку запустил. Разве мама станет такое терпеть!

- Женщина, разве вы не чувствуете, что к Вам в сумочку вор лезет?!

Женщина схватилась за сумку, вор руку отдернул и на маму, мол, ты чего городишь, какой вор!

- Я видела, как ты в сумочку лез! - не отступает мама.

- Больно глазастая, побереги глаза, а то без них останешься! - угрожающе протянул ворюга и выпрыгнул из трамвая.

Женщина поблагодарила маму, а кондуктор сказала:

- Вы будьте поосторожнее! Он ведь может Вас выследить. Эти бандюги под ногти себе вставляют кусочки бритвы. Режут ими карманы, сумки, могут и по глазам черкануть. Уголовников амнистированных в городе полно.

Ни жива, ни мертва от страха доехала мама до вокзала, села в поезд и поскорее вон из города.

ЛЯГУШОНОК ВЕЛИЧИНОЙ С ДОМ

Приехал маленький Саша с родителями в гости к бабушке в деревню. Пошли родители как-то на болото по клюкву. Вечером рассыпали клюкву по столу, чтобы очистить от мусора. А из ягод вдруг выскочил малюсенький лягушонок. Обрадовался Саша. Попросил у бабушки банку. Вместе с ней они выстлали дно банки мхом, налили водички и посадили туда лягушонка. Стал лягушонок жить-поживать в доме. Саша его кормит разными мошками, травкой. Питомец ни от чего не отказывается.

Сашок его „выгуливает“ на улице и дома на столе. Подрастает лягушонок не по дням, а по часам. Саша решает забрать лягушонка в город.

Но в день отъезда было много суеты, и про лягушонка как-то все забыли. Когда Саша приехал в Питер, он вдруг вспомнил про лягушонка. Стали они с мамой звонить бабушке, чтоб сообщить, что благополучно добрались.

Саша взял у мамы трубку и спросил у бабушки: „Как там поживает мой лягушонок?“ „Сашенька, лягушонка твоего я выпустила“, - ответила бабушка. Саша стал громко кричать и плакать, мать пыталась успокоить его, но мальчик не слушал и продолжал рыдать. Тогда мама сказала: „Послушай, сынок! Ведь если бы бабушка не выпустила лягушонка, он мог вырасти величиной с её дом. Где бы тогда жила бабушка? И нам некуда было б приезжать летом!“

Этот довод и убедил Сашу в правильности бабушкиного поступка, он перестал плакать. А лягушонка бабушка пообещала ему поймать на следующий год.

СКАКАЛКА

Старший брат Игорь был не любителем болтать, но шутить умел. Может быть его шутки и запоминались потому, что разговаривал он мало. Особенно он любил подтрунивать над нами, младшими сёстрами, называя нас „пигалицами“. Разница в возрасте была приличной. Младшую сестру Ольгу он продолжал так величать даже тогда, когда она уже вышла замуж и родила ребёнка.

Раз осенью Игорь приехал в гости к маме, когда Ольга с сыном тоже находились там. Сестра после родов расплнела. Она привезла с собой скакалку, чтобы с её помощью сбрасывать вес.

Игорь с семьёй приехали на новеньком „Москвиче“. Что делать в сельской местности осенью, когда уже картошка выкопана? Правильно - ходить в лес. Или лучше ездить, если далеко. Вот брат, сестра и невестка сели в машину и поехали по клюкву. Ехать до болота, где ягоды много, больше десяти километров.

Едут. Женщины переговариваются между собой, Игорь молчит. И вдруг спрашивает, обращаясь к Ольге: „Ты скакалку-то с собой в лес взяла?“

- Зачем мне в лесу скакалка? - недоумевает сестра.

-Как зачем? Не наберёшь ягод - обратно на скакалке поскачешь! - совершенно серьёзно отвечает брат

СУМКА НА ПАРОМЕ

Племянник Саша, сын старшего брата Игоря, в детстве каждое лето проводил в селе у бабушки. Он был у них единственный и поздний ребёнок, поэтому бабушка несла за него двойную ответственность. Правда, Сашка был не привередлив и не капризен. Но бабушка не оставляла его дома одного, если уходила куда-то.

В то время магазины не были завалены продуктами, как сейчас. Всё было с точностью „до наоборот“. Родители Сашкины из Питера вместе с сыном привозили огромное количество продуктов, но всё когда-то кончается.

И вот бабушка с внуком идут в дальний магазин в посёлок леспромхоз, там снабжение немного лучше. Чтобы попасть в посёлок, нужно на паромной переправе переплыть канал. Закупив что-то из продуктов, бабушка с внуком возвращаются домой. Внук всю дорогу канючит у бабушки сумку, чтобы помочь. Бабушка не даёт: „Отстань, Саша, тяжело. Ещё уронишь!“

Наконец она уступает его просьбе. Внук доволен, тащит сумку. Они заходят на паром, переправляются и идут по направлению к дому. Идти довольно далеко. Пройдя с километр, бабушка останавливается и смотрит на внука: „Саша, а где сумка?“ Саша смотрит на бабушку. Немая сцена, как говорится.

Возвращаются к переправе, ждут, когда паром придет с другой стороны. Сумка сиротливо стоит на скамье, целая и невредимая. Накаталась туда-сюда. А какой народ был! В сумке ведь не только продукты были, а ещё и кошелек. Оставь-ка теперь сумочку и вернись за ней через полчаса....

ЭТО МОЙ РЮКЗАК !

В ту же „эпоху всеобщего дефицита“ поехала мама в Питер. Проведать детей, внуков, да и продуктов прикупить. Всё-таки северная столица имела снабжение неплохое даже в то время. А в провинции на полках магазинов стояли только банки с морской капустой да консервы из рыбы-кукумарии.

Накануне отъезда домой мама вместе с сыном Игорем поехали по магазинам, прикупили мяса, колбаски, сыра....

Сложили всё это богатство в сумку и рюкзак. Ноша получилась довольно увесистая. Игорь проводил маму, посадил в автобус. Рюкзак, чтобы не мешал ей, уговорил сдать в багаж. Ехать долго, автобус, если выражаться мягко, мало комфортабельный.

Утром следующего дня, по приезде в конечный пункт, мама хотела взять рюкзак из багажа, но его там не оказалось. Вместо её новенького зелёного рюкзака на полу лежал старый, пустой, потрёпанный жизнью рюкзакишко. Водитель автобуса на её недоумённый вопрос только развёл руками: кто-то взял ваш рюкзак. Что делать, обидно!

Мама огляделась и увидела, как от автобуса быстрым шагом удаляется мужчина, а на его спине её рюкзак. Бегать наша мама умела быстро. Догнав мужичка, она ухватила за рюкзак: „Мужчина, вы взяли мой рюкзак!“

Мужик молча продолжал идти вперёд, вырываясь из маминых рук. Но и она не сдавалась, школа жизни у неё была пройдена непростая. Она вцепилась в рюкзак обеими руками, и мужчине волей-неволей пришлось остановиться.

- Чем докажешь, что это твой рюкзак? - сказал он маме.

- Сверху лежат пачки с индийским чаем, под ними масло....

Открыли рюкзак, всё сошлось. Пришлось мужичку

вернуть похищенное. Оказалось, его в дороге кто-то обокрал и оставил пустой рюкзак, а домой из Питера без продуктов возвращаться ему было не по себе. Наверняка последние деньги потратил, жили-то небогато. И пошёл мужичок, понутив голову: и стыдно, и неприятно.

- Жалко мне так было мужика того! Кто-то позарился не на своё! - сокрушалась мама, - Я ему даже хотела что-нибудь дать из продуктов, да он махнул рукой и ушёл. Извинился передо мной. Человек-то, видно, порядочный.

Бывало и такое.

ПРО ВОРОНУ И КЛУБНИКУ

Когда не стало колхозов, не стало и полей с рожью, пшеницей, горохом, картофелем. Птицы, которые кормились на этих полях, ринулись на частные огороды. Особенно нагло в разграблении урожаев простых небогатых граждан участвовали вороны. Они не боялись «пугал», поставленных в огородах. Раскапывали лапами землю, съедая посадки на корню....

Мама наша, человек практичный и обстоятельный, придумывала различные способы для сбережения урожая. Клубника у неё росла отменная: крупная, яркая, сладкая. Не нужно и говорить, что внуки из всех растущих в огороде ягод особенно любили её. Но и вороны тоже любили лакомиться этими плодами.

Когда в очередной раз в гости приехала сестра с маленьким сыном, мама повела их в огород напрямик к грядке с клубникой.

- Вот накрыла марлей грядку, а то вороны объедают большую часть ягод. Сейчас Саше собираем, я вчера видела уже созревшие, - показывая на укутанную грядку, похвалилась мама.

И вдруг покрывало зашевелилось.

- Ой! - отскочили от грядки мама и сестра.

Из-под укрытия, покачиваясь, словно пьяная, расто-

пырив в стороны крылья, вышла объевшаяся клубники ворона. Мама с сестрой в изумлении смотрели на это наглое существо, а ворона, с трудом дойдя до соседнего забора, неловко подпрыгнула и тяжело уселась на плетень. Лететь она была не в силах.

- Егорыч, - окликнула мама соседа, возившегося в своём огороде, - ну-ка, подай мне её!

Сосед снял с забора совершенно не сопротивляющуюся птицу и подал маме. Она, взяв ворону за лапы, начала хлопать её о межу, приговаривая:

- Наелась?! Вот тебе!! Вот тебе!!

Затем отшвырнула её в сторону и добавила:

- Может теперь хоть эта не станет пакостить.

Наверное, мама надеялась на то, что ворона расскажет остальным соплеменникам, что их ждёт, если они не перестанут хулиганить. А мы до сих пор представляем себе эту картинку и смеёмся: „Наелась?! Вот тебе!! Вот тебе!!“

ПРО КОРШУНА

Мама подкармливала огурцы в парнике. Около парника стояла жестяная ванна с водой. Вдруг что-то сверху шумно шлёпнулось в воду. Подняв голову, мама увидела в ванне птицу. Это был небольшой коршун. Скорее всего, он спикировал за низко летевшей птичкой, но „немножко“ промахнулся и угодил в ванну.

Мама достала коршуна из воды. Намокшая птица не сопротивлялась, по-видимому, не понимая, что произошло. Мама связала лапки коршуна верёвочкой и привязала птицу к дверной ручке.

В это время мимо дома проходил знакомый молодой мужчина.

- Сергей! Поди-ка сюда, - окликнула его мама.

- Валентина Павловна, я отдам долг, - ответил тот, думая, что мама потребует возврата занятых когда-то денег.

- Долг - не верёвка, когда-нибудь кончится. Подойди, посмотри, что я за птицу поймала?

- Это же коршун, он ведь мог вам глаза выключнуть или руки порвать! Ну, вы и отчаянная!

Сергей осторожно отвязал птицу, та всё ещё пребывала в каком-то полусонном состоянии. Потом, тяжело взмахнув крыльями, коршун взлетел и стал потихоньку набирать высоту. Мама и Серёга следили за его полётом, приложив ладони козырьком, до тех пор, пока коршун не исчез из виду.

ЦЕЛЛОФАНОВАЯ ИСТОРИЯ

Случилась эта история во времена недавно минувшие или, как теперь принято говорить, „во времена всеобщего дефицита“. Рассказала мне её наша соседка Александра Даниловна.

Места у нас северные, весна поздняя, ночами часто бывает прохладно даже летом, поэтому огурцы на грядках не растут, приходится строить теплицы, накрывать их полиэтиленовой плёнкой, чтобы получить приличный урожай хрустящих овощей.

- Что делать-то будем, Валентина Павловна? Время накрывать парники, а плёнки в магазине нет. Видно останемся без огурцов в этом году.

- Не останемся! Завтра с тобой пойдём в одно место, я кое-что придумала.

Заинтригованная Даниловна идёт на следующее утро следом за подругой. Мама приводит её на колхозное поле. „Рачительные хозяева“ колхоза „Родина“ свалили здесь горой удобрения. Удобрения в целлофановых мешках, которые после перезимовки кое-где лопнули, удобрение растворилось, просочилось в землю, а мешки, ещё вполне пригодные к употреблению, лежат на поле.

- Вот из чего мы и сделаем укрытие для парников, - показывает мама на мешки.

Они выбирают мешки, которые целее, идут с ними на старый пруд, моют их, затем просушивают и сшивают края мешков. Получаются добротные полотнища. Проблема решена.

- Огурцов в этот годросло, как никогда. А полотно, сшитое из мешков, пригодилось и на следующий год. Что бы я делала без Павловны, сама не знаю! - смеялась соседка, довольная так хорошо закончившейся историей с плёнкой.

КАК ДАНИЛОВНА И ПАВЛОВНА СДАВАЛИ КАРТОШКУ

Какой-то год славная уродилась картошка. Столько её, родимой,росло, что не знали, куда и девать. На месте государство принимает, но за сущие копейки. Жалко женщинам своего труда, не молоденькие уже. А рядом - Волго-Балт, а по нему идут суда, и речникам картошечка тоже нужна. Цену за неё речники дают приличную.

Вот соседки-подружки, Павловна да Даниловна, принимают решение сдать ценный овощ туда.

Договариваются с капитаном, нанимают технику, привозят, сгружают. Картошку уносят внутрь судна. За мешками и деньгами на судно идёт Павловна, как более боевая. Даниловна остаётся на причале.

Проходит полчаса, час.... Павловна не появляется. Матросы начинают убирать сходни. Даниловна пугается, ей чудятся страшные картины, что её подругу ограбили, убили.... Она уже плачет в голос, когда из недр судна появляется Павловна и, как девчонка, перепрыгивает с борта на причал.

- Даниловна, ты что? Что случилось!?

- Ой, Валентина Павловна, дорогая! Слава Богу, ты жива!

- Да что со мной случится! Вот - мешки. Вот - деньги за картошку.

- Я думала: тебя убили, так долго ты не возвращалась!

- Да кто меня убьёт? Картошку взвешивали, хотели немного обхитрить, да не на ту напали! Считаю я не хуже их. Пришлось поспорить. Но моя взяла!

Потом уже успокоившиеся и довольные идут домой. Выгодно сдали картошку, без потерь.

КАК ПАВЛОВНА И ДАНИЛОВНА ПЬЯНИЦ СПАСАЛИ

Старушки любят смотреть из окошка на проходящих или проезжающих мимо людей. На вологодчине дома стоят окнами к дороге, так что мимо незамеченным не пройдёшь. Конечно, и мама посматривала из окна, угадывая в проходящих мимо своих знакомых. Как-то летом, подойдя к окну, она увидела, что на дороге напротив её дома лежит человек.

- Господи, ещё машина задавит!

Вышла Павловна к дороге, смотрит: валяется в дорожной пыли женщина, звать её Люся. Мама наклонилась, думая, что той плохо. И тут же ощутила тяжелейший запах перегара. Люся просто спала мертвецким сном.

Потормошила её Павловна: „Люся, вставай, машина тебя переедет!“ Никакой реакции. Люся даже слегка похрапывать начала. Одной пожилой женщине не сдвинуть пьяную бабу. Побежала Павловна к Даниловне.

- Ой, Даниловна, пойдём, уберём Люсю с дороги!

Вдвоём перетащили бабу на обочину, отряхнули с неё пыль. За дорогой покатое место. Люся перевернулась на другой бок, скатилась вниз и, устроившись поудобнее, снова заснула. Переглянулись подружки, посмеялись и пошли по домам.

- А Люся-то проспала до вечера, встала, отряхнулась и, как ни в чём не бывало, покатила домой! - удивляясь и качая головой, рассказывала мама.

В другой раз уже Даниловна пришла за Павловной.- Павловна, пойдём! Там за поворотом Анна пьяная лежит на дороге.

Анна приходила к брату-холостяку, чтобы забрать у него бельё в стирку. Вот на пару с братом они и „накочегарились“ так, что сестра, отойдя от дома брата на какие-то сто метров, „уморилась“ и легла отдыхать.

Когда Даниловна и Павловна подошли к ней, Анна спала крепко и безмятежно. Узел с бельём валялся в одной стороне, в другой стороне, в пыли, лежали съёмные челюсти заботливой сестры. Вдвоём старушки кое-как растормошили Анну, подобрали протез, положили его ей в карман. Мимо проезжал трактор. Женщины остановили его и договорились с трактористом, чтоб тот довёз пьяную бабу до дома. Вдвоём посадили Анну в кабину трактора и пошли обратно.

Трактор отъехал метров двадцать, остановился. Тракторист выпихнул Анну на дорогу и поехал дальше. Оказалось, та обругала мужика непристойным словом. Пришлось искать двум волонтёркам другую оказию для Анны.

Мама приговаривала, рассказывая эти два случая: „На мужика пьяного смотреть противно, а на пьяную бабу - вдвойне!“

УРОДИНЫ, ВЫХОДИТЕ?

У мамы была подруга Мальвина Константиновна - человек с неиссякаемым чувством юмора. Прибаутки, шутки, анекдоты и всевозможные весёлые истории сыпались из неё, как из рога изобилия. Эта история тоже из её уст.

В сельской местности автобусы, доставляющие пассажиров от одного пункта назначения к другому, останавливаются там, где пассажиру удобно. Водители даже спрашивают: „У сосны остановить?“

„У сосны“- так местные жители называют магазин по определённому признаку - рядом растёт сосна. Есть ещё

остановка напротив правления колхоза „Родина“, тоже неофициальная.

В какой-то раз Мальвина (в просторечии) возвращалась домой из райцентра. Автобус подъезжал к месту, где ей нужно было выходить, она уже открыла рот, чтобы попросить водителя остановиться, как тот вдруг опередил её: „У „Родины“ выходите?“

Мальвина Константиновна так и застыла с открытым ртом. Опомнившись, она возмутилась: „Какие мы тебе уродины! Мы ещё очень молодые и симпатичные женщины. С нами ещё жить можно!“

Пришлось водителю долго оправдываться, что он ничего плохого не имел в виду. А попробуй, докажи, слово - не воробей. Когда теперь я слушаю песню Юрия Шевчука про родину, то вспоминаю случай с Мальвиной: „У „Родины“ выходите?“

НЕ БЛЯКАЙ!

Мамина лучшая подруга Мальвина Константиновна умела ладить со всеми. Помнила даты рождений половины сельчан, многим даже писала открытки с поздравлениями. Каждому старалась сделать что-то приятное. Подкармливала со своих скудных сбережений пропившихся молодых мужиков, за что многие односельчане считали её чудаковатой.

Наверное, это было в какой-то мере правдой. Мы же её любили просто так, за неунывающий характер, за щедрость, за любовь к жизни и за то, что она была маминной подругой. Нас она тоже любила. Когда мы приезжали к маме, то ходили в гости и к ней, в противном случае она могла обидеться.

В более молодые годы она, как и наша мама, работала в колхозе „Родина“, только агрономом. Сами понимаете, что колхозники, я имею в виду мужскую часть, не осо-

бенно выбирали выражения в разговоре. Но Мальвина умела их осадить, чтоб не зарывались.

Как-то в очередной приезд к маме мы с сестрой пошли в магазин. Встретили там Мальвину. Обнялись, расцеловались. Она стала расспрашивать нас о том, о сём. В это время в магазин заскочил маленький юркий мужичонка. Не обращая внимания на женщин, он стал заворачивать такие трёхэтажные маты, что у нас уши трубочкой свернулись. Нормативные слова составляли малую часть его насыщенной речи и служили только для связки.

Мальвина Константиновна морщилась и делала вид, что не слышит матерных выражений. Но мужичонка не унимался. Тогда Мальвина подошла к нему, положила руку на плечо, заглянула ругальщику в глаза и доверительно, но внушительно проговорила: „Да хорошенький! Только не блякай!!“

Мы с сестрой и женщины, находившиеся в магазине, рассмеялись. Мужичонка смутился и вышел вон.

Это выражение с тех пор вошло в наш лексикон. Я рассказала этот случай на работе, и коллеги тоже время от времени повторяли в нужный момент эту летучую фразу: „Да хорошенький! Только не блякай!“

ЗЯТЬ-ГЕНЕРАТОР

Встречаются в жизни очень разные люди. Слушая некоторых, надорвёшь живот от смеха. У мамы была приятельница, простая деревенская женщина, трудолюбивая, очень чистоплотная, но малограмотная. Звали её Шура. Выражения, которые она применяла в разговоре, можно было назвать шедевральными. Мама, приходя от неё, каждый раз выдавала на гора какой-либо очередной „шедевр“.

- Ой, умора с этой Шурой! Ругает Ивана за пьянку, тот огрызается, а она ему: „Что ты вертИшься, как собака на косых каблуках?“ Даже вообразить невозможно: собака, да ещё на косых каблуках!

Мама смеётся, и мы хохочем с сестрой. В другой раз, рассказывая о своём зяте-чиновнике, Шура говорит: „Ходит по дому такой важный, как генератор, руки в брюки!“

У меня тоже была знакомая подобного типа. Например, У неё было коронное выражение: „Довели до белого колена!“ В переводе - „до белого каления“.

Ещё моя знакомая частенько произносила такую фразу, осознать которую невозможно: „Людмила Николаевна! Вы над нами всю наглость потеряли!“

А одна моя знакомая, дама вполне образованная, слово ахиня говорит так: анихея. Причём применяет его довольно часто. Я как-то пыталась её поправить, так она сказала, что знает. Но до сих пор пользуется словом в той же транскрипции. Кстати, иногда, чтобы улыбнуться, мы также произносим его, но только в том кругу, где поймут, что это шутка.

Что интересно, все три женщины говорили эту чушь ничтоже сумняшеся, думая, что все их прекрасно понимают.

БРАЗИЛЬСКИЙ СЕРИАЛ

Когда пошла мода на бразильские сериалы, у мамы появилась одна подруга. Жила она за три дома от нас, но раньше они с мамой не дружили. В преклонном возрасте приоритеты меняются, иногда хочется, чтобы кто-то просто зашёл поговорить.

Тётя Надя была женщиной грузной, с большими ногами, ходила очень плохо, поэтому к маме её приводил кто-нибудь. Сама она обратно уйти не могла, а тот, кто приводил её к нам, иногда забывал о ней. И гостила Надя у мамы целыми днями.

Чем заняться двум старушкам? Маленько помоют кости ближним, повспоминают старые времена. Мама телевизор не особенно любила, но сериалы смотрела иногда. Ей что-то приходилось делать по дому, ведь жила она, в

основном, одна. А тётка Надя смотрела сериалы, причём - все подряд. Домашними делами у неё занималась дочь.

Гостила как-то летом у мамы дочь Ольга. Тут опять привели к маме новоявленную подругу и оставили надолго. Попили они чайку. Мама поинтересовалась вчерашней серией - она её не посмотрела - и тётя Надя стала пересказывать. Рассказывала долго, с подробностями (напомню: сериал бразильский).

- Ну, так вот, этот чёрненький, не русский который...

Ольга не без ехидства вставляет: „Молдаванин, наверное“. У тёти Нади зять - молдаванин, смуглый и черно-волосый.

Обе старушки заливисто смеются. Тоже - не без юмора.

ДРУГОЕ КИНО

Ещё одна наша соседка, Ульяна, тоже частенько заглядывала к нашей маме в гости. Была она совершенно глухая, но как-то они умудрялись общаться, и соседка понимала, о чём говорит Павловна. В это время вместе с мамой жил наш брат Володька. Бывало, он выпивал, и они поругивались с мамой.

Как-то Даниловна вышла в огород и услышала, что у нас в доме очень громко разговаривает, даже кричит мама.

- Наверное, Володька опять напился и хулиганит, - решила Даниловна. А так как они дружили с Павловной и переживали друг за друга, то соседка решила пойти к нам, чтобы утихомирить Вовку. Володька слушался соседку, и она частенько гасила разгорающуюся ссору.

Но, открыв дверь на крыльцо, Даниловна увидела, что трезвый Володька сидит и чистит принесённые из леса грибы

- Что это Валентина Павловна так кричит, с кем ругается?

- Да это она Ульяне вчерашнее кино рассказывает! -

засмеялся брат.

Когда Даниловна зашла в дом, то увидела такую картину: Ульяна, выпростав ухо из-под платка, внимательно слушала и даже кивала головой в знак того, что поняла. А Павловна, наклонившись, во весь голос рассказывала очередную серию „мыльной оперы“. Обе были так увлечены сюжетом, что не заметили прихода соседки.

КАРТЁЖНИКИ

Дедушка и бабушка по маминой линии очень любили играть в карты. Особенно бабушка Оля была отпетой картёжницей. Папа наш тоже был отменным игроком. Когда старики приезжали к нам в гости, то игра в карты была неотъемлемой частью их общения. Папа, как правило, садился в пару с бабушкой. Обыграть тещу с зятем не мог никто, так как у них в ходу было огромное множество шулерских приёмов: подмигивания, оттопыривание пальцев, какая-то определённая мимика....

Мама, наоборот, терпеть не могла карточной игры, всегда отказывалась в категоричной форме, если у картёжников не хватало пары. Поэтому, приехав к ней в очередной раз, я очень удивилась тому, что она ходит по вечерам играть в карты к соседу дяде Феде. Ходила она, естественно, не одна, а вместе со своими подругами- холостячками: Даниловной и Петровной.

Как оказалось, играла она очень азартно, даже ссорилась иногда с партнёрами, особенно с дядей Федей. Бросала карты, если замечала, что тот жульничает, и отказывалась играть. Какое-то время даже не ходила на посиделки. Но потом подруги уговаривали её, так как им не хватало партнёра, и игра возобновлялась. Зато, если Павловна выигрывала, настроение её заметно улучшалось. Она смеялась и подшучивала над неудачниками, в общем, вела себя, как самый заядлый картёжник. Видимо гены всё-таки сказались.

Надо сказать, что в карты они играли только зимними вечерами, летом - дел по горло, не до карт.

Как-то зимним вечером, как обычно, партнёры собрались для очередной игры. В этот вечер особенно не везло дядьке Феде. Он проигрывал партию за партией, ругая партнёршу за неумелую игру. Характер у соседа был вспыльчивый. Когда в очередной раз Федя проиграл, он бросил карты на стол и сказал, что больше не будет играть никогда.

Три его подружки пошли домой, настроение у всех было не ахти. Они ругали Федю за злой язык и плохой характер, решив больше не ходить к нему.

А на следующее утро к Павловне пришла Даниловна.

- Что-то у Феде до сих пор печь не топится. Пойдём, проведаем - не случилось ли чего! Уже ведь одиннадцать часов.

Подойдя к дому соседа, они увидели, что дверь ещё не открывалась. За ночь намело снегу. Следов на снегу не было. В хлеву блеяли голодные овцы. Они постучали в дверь - ни звука. Походили вокруг дома, в окна заглянуть невозможно - слишком высоко. Обойдя дом вокруг, подружки через сугроб пролезли к окнам, где была спальня.

- Даниловна, поддержи меня, я в окно загляну.

Поддерживаемая подругой, Павловна взгромоздилась на завалинку, пытаясь через замёрзшее стекло разглядеть комнату изнутри.

- Видно что-нибудь?

- Вроде, лежит на кровати!

- Живой хоть?! Постучи в окно!

- Во! Зашевелился! Живой. Пойдём домой, пока не выскочил, да не заорал!

Подруги поспешно ретируются. А соседка дяди Феде с другой стороны Татьяна потом рассказывала:

- Смотрю в окно, ничего понять не могу: старухи с ума что-ли посходили - липаются (карабкаются - местное

выражение) к дядьке Феде на завалинку, среди бела дня в окна заглядывают!

А друзья-картёжники помирились, общение-то нужно. Ведь они не только в карты играли, но и спасались от одиночества.

ПИСЬМА ИЗ ПРОШЛОГО

(публицистика)

Эти письма мы с сестрой нашли в мамином архиве после её смерти. Пожелтевшие страницы, полустёртые на сгибах, написанные то карандашом, то перьевой ручкой, то наспех, то - каллиграфическим почерком. Два десятка писем от двух адресатов - бывших сокурсников. Годы написания сороковой и начало сорок первого, да несколько писем уже только от одного из них - послевоенные. Среди писем находились и маленькие фотографии размером 3х4.

Читая их, я словно окунулась в то время, почувствовав его, как прикосновение ветерка к своему лицу. Увидела маму - молоденькую девчонку, хрупкую невысокую, то весело смеющуюся, то грустящую, то вальсирующую на танцплощадке, то провожающую любимого на армейскую службу, плачущую и целующую на прощание своего парня.

И парней этих я словно увидела воочию, одного - шутника и балагура Гришку, друга и напарника по сцене, где мама, тогда ещё Валька, Валюша, Валечка, как он её величал в своих посланиях, играла старушек в любительских спектаклях. И другого, Николая - её сердечного друга, серьёзного и обстоятельного, немного старомодного в выражении чувств, но такого же молодого человека, который строил планы на их дальнейшую совместную жизнь.

Эти два парня из сельской глубинки, не совсем грамотные, слегка наивные, иногда выражающие в письмах

свои мысли немного нелепо и возвышено, были представителями той эпохи, той предвоенной поры. Но в то же время они не были столь наивны, чтоб не понимать в какое время живут. Жизнь разбросала их после студенческих лет по необъятным просторам несуществующей теперь страны. Но они не хотели терять связь со своими товарищами по студенческой жизни и общались с помощью писем, поддерживая и ободряя друг друга, делясь радостями и огорчениями. Мечтали о встречах в будущем и строили планы.

Они понимали так же, что война вряд ли минует их страну, уж больно лакомым кусочком она была для очень и очень многих. Итак, письма из сороковых - роковых.

Письма Николая Жабрева. По датам они идут позднее, чем Гришины. Но ведь он - любимый, а тот - просто друг, хотя его письма мне нравятся больше, в них меньше прозы жизни, много юмора и азарта. Но не я выбирала любимого, а мама. Ей было видней.

« Привет из Славковичь. 20/9-40г.

Добрый день! Здравствуй, милая Валя, шлю тебе свой сердечный привет. Записку твою на моё посланное тебе письмо получил, за что и благодарю. Конечно, я не ожидал, что Вы так слишком скромно напишете, но это не беда. Как говорится, бывают моменты, когда дорого каждое слово*...сейчас же я кратко напишу о себе и своей жизни.

Работаю, как уже тебе известно, участковым зоотехником, участок состоит из 2-х с/советов с 21-им колхозом. Сельсоветы передовые, только в этом году плохо обстоит дело с кормовой базой. Живу в настоящее время хорошо, только очень скучаю, а посему уже нет такой весёлой жизни. Здесь, где я живу, молодёжи много, гуляют хорошо. Люди, хотя и скобари большинство, но хорошие. Валя, писать мне хочется очень много и писать обо всём, но писать сейчас не могу, ибо мысли мои, мои мечты в настоящее время так рассеяны, что о них ничего не могу и предположить. Конечно, такое положение нетерпимо. Я

не могу отдавать себя на муки и страдания, которые испытываю сейчас. Но мне никогда не забыть тех ясных дней, которые проводили мы с тобой вдвоём, и лишь только воспоминания об этих днях составляют отраду моего сердца.... Сейчас же я не хочу больше скрывать своей любви к тебе, которую ощущал до сего времени на своём сердце...». Далее, ещё целая страница немного смешных по выражениям признаний в любви и требований конкретных ответов на поставленные вопросы. Любовь очень сложно выразить словами. « А сейчас я укоряю Вас не хочу за то, что мало написали на мои три письма, хотя может и нескладные для вас, но ведь я не поэт и не писатель...». Что тут добавить? В самом конце письма приписка, что 25/9 - призыв в армию и просьба писать ответ скорее: «...а если нет, то может быть придётся проститься навсегда... До свидания. С приветом Н. Жабрее. Пиши!!! Жду!!!».

Следующее письмо Николаем написано вскоре карандашом, почти неразличимы слова, но смысл понятен. На десять дней перед службой он отпущен домой, куда о назначении ему сообщат телеграммой. Парень серьёзен, надёжен, трудолюбив и обстоятелен. «... Вчера в Заходах проводил собрание по подготовке скота к зимовке. В общем, помог своему бывшему ветфельдшеру... Валя, извини, что плохо написал, в вагоне темно, писал на коленях. До свидания, милая, дорогая Валечка, крепко жму твою ручку и целую бесконечное число раз в губки. До свидания. Не забывай, а если можешь, то пиши мне в Мегрино. С приветом к тебе Коля».

« Привет из Мегрина. От Коли - Вале.

Добрый день!

Здравствуй, милая, дорогая моя Валюша, шлю тебе свой пламенный сердечный привет, в котором желаю всего наилучшего в твоей повседневной работе и жизни на участке. Валя, сейчас, как ты уже знаешь из моего письма с дороги, что я нахожусь дома, на родине.... Из нашей деревни 11 человек идут в армию, так что гуляем хоро-

шо.... Часто вспоминаю про тебя и не забываю последних вечеров с тобою. До армии всё же хочу ещё встретиться с тобой..... Опять объяснения в любви, такие же чудачковатые по складу, но искренние и трогательные. «... *Крепко целую тебя и жму твою маленькую левую ручку. С приветом Коля. Адрес мой тебе известен, но писать сюда не надо, т.к. может быть завтра меня здесь не будет. 20/10-40г.*»

И действительно, следующее послание от него уже из армии. Коротенькое, довольно бодрое, с уверениями в любви и пожеланием встречи через два года. «*Сейчас я нахожусь в бронетанковом, огнемётном батальоне, а не в артиллерии, как был зачислен райвоенкоматом. Как видишь, придётся заниматься сложной военной техникой, изучать танки, автомашины и другие приспособления*». Адрес в конце письма: УССР, Каменец-Подольская обл., город Изяславль, п/я 45/2. 1/1-1941г.

А это письма от Гриши.

«Здравствуй, Валичка!!

Прости, друг, что так безбожно задержал ответ. Сейчас я тебе постараюсь написать все субъективные и объективные причины моего молчания. Основная причина моего молчания - это наши военные дела. Уходили в длительный поход, где так досталось крепко, что приходилось вспоминать бога и просить помощи. Здесь по дороге, чуть не на каждом километре стоят часовни с богами и маленькими боженятками, к тому же кресты с исусом. Всех просил, но не помогли, на четвереньках дополз, в полном смысле, но зато выполнил приказ. После этого так устал, что не мог шевелиться, проспал ровно 14 часов. Это основная причина моего молчания. Не менее важная так же и та причина, что письмо твоё шло 15 дней.... Я очень удивляюсь на твою настоящую жизнь, ты ещё совсем детка, а рассуждения у тебя просто взрослые. Я припоминаю нашу студенческую жизнь, когда мы ставили

постановки, ты всегда играла роль старушки. Значит, в тебе правильно была оценена та черта, которая унаследовалась в тебе. Это не плохо, прожитые годы тебе ещё лучше дадут разобраться в сложных житейских вопросах. Ты удивляешься, что детские шутки у тебя часто проskalьзывают. Ничего удивительного. Вспомни физиологию человека и книгу, которую вы читали в Ораниенбауме - «Кто виноват?». Всё это поможет тебе разобраться отчего, почему. Вот я на себя должен удивляться. Ведь я старше на 2-3 года и то не прочь подзаняться шутками, хотя моя настоящая жизнь требует от меня сурьёзности и сосредоточенности».

И Гришка в красочных выражениях описывает произошедший с ним курьёзный случай, когда он, катаясь на лыжах, прицепился к проезжающей мимо машине и три км гнал по городу. По дороге зацепился штанами за сани проезжающего мимо извозчика, вырвал из штанов приличный клочок и, сверкая кальсонами и голым телом, прибыл в часть, где ему, конечно, не поздоровилось. Может он выдумал это, чтобы поддержать свою подружку, которой было скучновато в незнакомом месте, куда она попала после распределения. Он уговаривает её не скучать, мол, всё ещё впереди, «...а пока используй на все 100 время, в дни какой-нибудь святой протяни рюмочку за мою душу грешную, станцуй и т.д. Не скучай и не отчаивайся, я вот только и живу, надеясь, иногда даже весело бывает от воспоминаний. Вот и всё. Желаю прекрасных успехов, выпустить отличных специалистов соц. хоз. на курсах, а так же отличных успехов в личных делах. Прими мою сердечную благодарность за новогоднее поздравление и за то, что приглашаешь в гости. Приеду, Валя.... До свидания, друг. 21.01.40г.».

« г. Станислав.

Здравствуй, дружище Валя!!!

Очень рад, что наконец-то я, Гришка, получил от тебя письмо. На твоё такое большущее письмо я поста-

раюсь поподробнее охарактеризовать свою жизнь и вообще «международное» положение, но как выйдет, не знаю.

После нашего разезда я до 15 августа отдыхал, совершил «путешествия» в города на Урале, в Алексин, в Тулу. 17 августа приехал на место работы. Там уже работала Сарапова (сокурсница), меня встретили очень тепло, участок работы дали самый лучший, ответственный и большой». Но... «в сентябре-21 числа я уже был призван... Знаешь, Валя, как мне не хотелось служить, я предчувствовал, что многое потеряю, и к тому же международная обстановка не предвещала «весёлого»: Польский конфликт, назревала война с Финляндией, Румыния неспокойна была. Вот в такие дни 27 ноября я одел шинель в г. Шепетовка УССР.

Меня зачислили в полковую школу, которую я закончил.... Когда готовили нас в Финляндию, то доставалось ужасно. Снег в пояс, метель сшибала с ног, а мы, как жуки барахтались по необъятным степям Украины. Винтовка, шинель и ранец до того тяжёлыми становились, что не подсилу было дотащиться в казарму. Но это прошло, счастье улыбнулось, и я не попал в человеческую мясорубку, а попал в бывшую панскую Польшу. События в Румынии захватили меня в Польше, собрали нам походные амуниции и направили туда. Это я встретил с полной готовностью, горел желанием постоять за родину, но мы победным маршем прошли по Румынии и вернулись назад.

Как червяки исползали все Карпатские горы. Вот тут-то я «с вершины мира» взглянул на нашу Социалистическую страну, как на молодого сильного физкультурника, полного сил и на старый дряхлый мир, как на беззубого старика, у которого сзади песок сыплется. Я ещё раз проверил историю, за которую отцы, деды и прадеды боролись и погибали миллионами. До глубины последнего иона сознания открылась истина жизни. С этого я сейчас строю всё, в годы техникума мне обо всём думалось лег-

ко.... Я вижу в тебе тоже много нового, хотя на фото ты та же.... Годы твоей работы не прошли даром. Помни об одном: свой накопленный багаж знаний ты даёшь нашей колхозной деревне, учишь тысячи людей и при этом учишься сама, помогаешь партии ВКП(б) разрешить задачу, поставленную на сегодняшний день. На это способны только наши замечательные советские девушки.... Несколько слов о наших общих знакомых. Девчата многие вышли замуж и уже вдовы. Зина Г., Яковлева Л., Маруся Кире., Зоя - замужем. Тося Кириллова работает на участке с Варламовой, они с Сараповой прислали письмо из Годова. Ребята, в частности Сашка Мел., в Ленинграде в военной школе вместе с Михайловым и Соколовым, Беляков на Украине тоже в военной школе.... Каждый свой новый адрес буду сообщать, ведь наша жизнь кочевая....

Поздравляю тебя с великим праздником - 23 годом Октябрьской революции. До свидания. С тёплым тов. приветом, жму крепко руку. Гриша».

Следующее письмо написано вдогонку к предыдущему, написано наспех и карандашом. Не всё можно разобрать. Гриша жалуется на рутину в армии, пишет, что очень скучает по гражданке, по работе так, что готов работать, когда вернётся из армии, днём и ночью, что не хочет присвоения звания и что следующий праздник 7-го ноября надеется встретить вместе.

Следуя за датами на листочках, я нашла конец ещё одного послания, датированного 15/12-40г. На этом листочке я обнаружила очень ценную информацию, касающуюся нашей мамы. Гриша поздравляет её с Новым годом и с тем, что её кандидатура выдвинута для участия на ВСХЗ (Всесоюзная сельскохозяйственная выставка), **...«правильно тебя подметили...»**. Во мне всколыхнулась волна гордости за маму, ведь она действительно в то время была совсем девчонкой, а уже чуть не героиня!

«Здравствуй дорогой друг, Валя!!! Как рад, как сердечно благодарю тебя за вторичное письмо, которое я с

такой жадностью прочёл. Отвечаю сразу же, т.е. 23.12.40 и, между прочим, сейчас выполняю боевую задачу, уже 12-00 ночи.

Да, Валя, как трудно я вижу представлять, что такое армейская жизнь. Ох, друг, написал бы тебе откровенно, но чёрт знает, как оно дойдёт до тебя, слишком длинный путь. Последние строчки твоего письма меня смешат: женитьба, гулянки и т.п. ты бы лучше спросила у Гришки: бывают ли у него выходные? Ответ прост: нет! А посему из этого вытекает всё остальное. Время, когда красноармейцы гуляли много и находили его, чтобы (прости за выражение) зас..... девушкам мозги, отошло. Сейчас так строго распределены сутки, и так они плотно заполнены боевой и политической учёбой, что кажется: будь они 48 часов, всёравно не хватило бы времени. Личного времени 20 минут, хочешь - читай, а хочешь - пиши. Выходные проходят так же. Если не в наряде, то ходим строем в кино. А мне вот «везёт» - в выходной я пуце занят и насчёт кина нет и речи».

И дальше про девушек. «...Я был чужд в гражданке тем, кто нахально обманывал, кто на словах хочет взять девушку замуж, добиваясь только удовлетворения животных чувств, особенно, конечно, военные. Вспомни, как я не любил их за это, неужели ж я теперь стал такой? Нет, Валя! Я всё тот же, а уж если соберусь, то всё будет чисто, без обмана. Верно, об этом я много мечтаю, нормально развитый человек всегда должен задумываться над этими вопросами. Ты, Валя, не представляй меня таким, каким я был два года назад. Смеяться уже разучился. Вся боевая жизнь построена только на обдуманной сурьезности.... Вспоминаю, как сон, то, пережитое в студенческие годы, и как угадала ты, Валя, очень хочется поработать по своей специальности, но только с изменениями.»

И в конце письма. «...Советую тебе не засиживаться дома, иметь хоть какие-то развлечения, почему не по-

гулять с деревенской молодёжью? Всё разнообразие. Живи, не скучай, приеду - развеселю, я тебя обязательно посетю, если не выйдешь замуж. Ну, Валя, я кончаю, написал плохо, в таких обстоятельствах пишу - думать не приходится. Я уже тебя поздравил с Новым годом, но разреши ещё поздравить. В этом пожелании хочу только желать, чтобы наша переписка не прекращалась. Так же желаю наших встреч в 41 году. Всё. До свидания. Пиши. Жду. Гриша».

Маминой рукой на полях письма сделана отметка: получено 3/1-41г. Она в течение всей жизни следовала этому правилу.

Затем до апреля 1941 года писем от Коли не сохранено, а вот от Гриши есть ещё одно январское. Если Николай писал о том, что не умеет писать письма, так как он не поэт, то Гришу можно смело назвать поэтом, столько в его письмах романтики, лирики, мечтаний, столько желаний! Вот отрывки из этого письма.

«Сейчас читаю превосходную книгу «Цитадель», от которой просто схожу с ума. Никогда на меня так не действовали книги, как эта. В запасе ещё две книги того же автора. Свободное время заполняю книгой. Одно время погода ободряла, началась весна, тёплые солнечные дни, снег таял. Но сейчас мороз снова так притиснул, что не отходим от печи.... Помню весну 40-го. Она мне показалась такой красочной, какой я её не видал никогда. Мне хотелось всё забрать с собой, приблизить и жить только этим. Я искал уединённого уголка, откуда мне никто не мешал бы смотреть и наблюдать.... Пока всё. Зверски хочется курить и спать. До свидания. Пиши. С приветом Гриша.

Сегодня видел во сне тебя и многих других».

От Коли - Вале.

« Привет из УССР. г.Изяславль. 6/4-41 года.

Здравствуй, милая Валя, шлю тебе свой горячий красноармейский привет!

Валя, письмо твоё получил, за которое очень сердечно благодарю. Ждал ежедневно и наконец, дождался. В последние дни уже и ждать перестал, подумал, что раз так долго нет ответа, то всё забыто. Но чувства мои к тебе и после этого замешательства остались горячими. Теперь же, Валя, как видно из наших писем, мы друг друга поняли. Чувства наши, как мои, так и твои, открыты.... Валя, если у тебя есть сила воли, то разлука нам нипочём, будем чаще иметь переписку.... Письма же не обязательно сочинять красиво: написала несколько строк, и этого будет достаточно мне.....

Две страницы исписаны убористым красивым почерком, опять слова признательности, клятв, обещаний, увещеваний. Видно сильно любил Николай Жабрев нашу молодую маму. В конце письма скупые строчки о службе. «Изучаем технику, машины, полит, подготовку. Работать приходится много. Начинаем заниматься с 6 часов утра и до 11 часов вечера. Свободного времени почти нет. В город пока что никого не отпускают. Ну ладно, как-нибудь отслужу 3 года. Валя, только пиши, не забывай, а я тебя никогда не забуду. С горячим приветом к тебе Коля.

Сейчас здесь настоящее лето.

Пиши! Жду!!»

Гришкины последние письма.

«гор. Станислав. 25.04.41

Здравствуй, Валя!!

Наконец дождался твоего письма, очень рад. Ох, и чёрт же ты, Валя!! Два месяца не дала знать о себе. Я уже думал, что с тобой не всё в порядке или же больна....

Оказывается, все мои предположения не что иное, как фантазия. И ты, Валя, живёшь и здоровуешься, но настолько увлеклась работой, что забыла о тех, которые

всё время вспоминают тебя и ждут весточки. Я уже хотел написать на твою родину, узнать, что произошло. Сегодня, получив твоё письмо и прочитав его, я готов был вцепиться тебе в волосы, избить чёртову куклу. Минут 10 я свирепствовал, ругался на чём белый свет стоит и остановился тогда, когда узнал, что сейчас пасха и ругаться нельзя. Если так, то по христианскому обычаю христосуются, то есть целуются. Тогда разреши: «Христос воскрес!» много и горячо целую (поцелуйи ищи в конверте). С тебя приходится красинькое яичко - жду».

Ещё полторы страницы шуточек и слов поддержки, по-видимому, мама жаловалась в письме на плохие погодные условия, в связи с этим на трудности в работе. Затем несколько строк о сложной международной обстановке и опасности войны. В каждой строчке неприкрытая вера в то, что победа будет за нами и всё-таки нежелание войны и надежда вернуться осенью на «гражданку». Ещё меня удивило то, что Гриша пытался поступить в военную академию.

«Да, насчёт моего поступления в академию ничего не выйдет, это я наперёд говорю. Когда я приехал на испытания, то даже ахнул. Здесь сдавали экзамены старшие лейтенанты, капитаны, орденосцы, и Герои, а я среди них, как апостол маленький, сержант. Все испытания сдал хорошо, но надежды нет: мест 300, а поступающих - 1480 человек. Так что скорее пройдут люди с большим стажем и имеющие государственные награды».

Письмо длинное, подробное. Наверное, очень обрадовался весточке Гришка. Пишет о присвоении звания, о том, что теперь приходится быть командиром и учить бойцов. И что не больно ему всё это нравится. В конце письма описан ещё один курьёзный случай, произошедший с ним, как он, возвратившись с марш-броска, набил сеном матрац слишком сильно («как гору»), крепко заснул, а ночью упал,

да так неудачно, что разбил о соседнюю тумбочку лоб и нос. В санчасти его измазали йодом, было так больно, что по его словам «я аж станцевал».

И два предвоенных письма от обеих парней. Письма довольно объёмные, поэтому ограничусь цитатами из них.

От Коли.

«...служить придётся 3 года, если не останусь в армии пожизненно. В настоящее время служу в учебной роте танковых войск и числюсь курсантом. Заниматься и работать приходится очень много. Большую часть времени - практика. До праздника 1-го мая мы изучали боевые машины и, можно сказать, что техникой овладели хорошо. Водили танки на пересечённой местности с закрытыми люками на полной скорости. Экипаж нашей машины состоит из 4-х человек, я назначен механиком-водителем, но в дальнейшем все будем командирами. Так же стреляли из пулемёта с хода танка, за что я также получил высокую оценку. Думаю, что и в дальнейшем в учёбе трудностей особых не будет.... В город не отпускают. За всё время, что нахожусь в армии, в городе пришлось побывать раз пять и то по служебным делам.... Насчёт отпуска по новому приказу наркома обороны - отпуска не дают до полного окончания срока службы, за исключением особых случаев....

Я вспоминаю тебя каждую минуту и очень скучаю. Любовь моя не только не гаснет, а наоборот становится крепче и сильнее... Ты, Валя, даже не представляешь, чтобы получилось, если бы мы с тобой в один прекрасный день встретились! Конечно, любовь была бы самая горячая, ещё сильнее были бы наши объятия. А сколько было б разговоров, хватило бы на целую неделю!»

Письмо написано 02.05.41года в 10 часов вечера в г.Изяславль, что недалеко от г.Ровно.

От Гриши.

Без даты, но приблизительно, где-то в середине мая

начале июня 1941 года. Мне хочется привести его почти целиком, потому что в нём описываются последние мирные дни и даже часы наших красноармейцев, многие из которых канут в Вечность, так и не познав до конца радости любви, семейного счастья, отцовства. В письмах и Николая и Гриши уже чувствуется грозное дыхание приближающейся войны, напряжение во всех сферах общества и особо это касается армии: бесконечные учения, стрельбы, полит. учёба.

« г. Станислав

Здравствуй, Валя!!

Очень рад твоему письму, больше всего радуюсь той товарищеской теплоте, которую приносят письма. В знак взаимности, я не заставлю себя просить, отвечаю сразу.... Мне хочется больше всего выразить «горькое соболезнование» по поводу утраченных поцелуев. Столько времени потратил на упаковку, а они не пожалели мой труд.... Оказывается, Валя, пасху-то справила! Гуляй, друг, жизнь иногда украшается отдельными маленькими частичками весёлых легко запоминающихся моментов, а в основном она - тяжёлая борьба. Всё у тебя скоро переменится. Пойдёшь в отпуск, гулять будешь весело, отдохнёшь. Ровно два года тому назад мы были вместе, сколько интересного и смешного вспоминается. Я не предвидел такой долгой разлуки. Мне казалось, что всегда всем студенческим коллективом мы будем вместе. Взглянуть хотя бы в альбоме на тех замечательных людей. Где они сейчас? Ребята ясно где, а девчата? Если бы сейчас произошла наша встреча, то она поглотила бы всё, смыла чёрные пятна, заживила бы раны, нажитые в жестокой борьбе....

Живу ничего, об этом свидетельствует некоторый прирост в живом весе. Работы сейчас удесятирилось в виду моего повышения. Я теперь и педагог, и воспитатель, и командир. Народ, прибывающий в армию, малограмотный и такой тупой, что по десять раз приходится объяснять всё. Железные нервы нужны. Допишу завтра, зверски

хочу спать.

Дописываю только через три дня, пришёл, как чёрт, усталый. Сижу и не хочу подниматься с места... Сейчас у нас уже всё отцветает, но погода паршивая, много дождей. Вот всё, мой милый друг. Урву времени - напишу тебе обширное письмо. Жизнь вся очень натянута, не ровен час и нас война краешком заденет.

До свидания, дорогая Валя! Не выпусти хоть сейчас мой горячий поцелуй. Пиши сразу и всё подробней. С приветом Гриша».

А дальше была война, которая отменила мамин отпуск и продлила, не знаю насколько, Гришину службу в армии. Не краешком задела война нашу страну, как предполагал Гриша - командир Красной армии. Вряд ли он остался в живых. Наверное, подал бы весточку о себе своей подруге, если бы уцелел. Маме пришлось срочно эвакуироваться из Псковской области, бросив всё, и только самое ценное и дорогое взяла она с собой и среди этого «богатства» несколько писем своих товарищей по студенческой жизни.

А Николай остался жив. Но видимо не судьба им было встретиться и прожить общую счастливую жизнь, о которой оба мечтали. Мама вышла замуж за нашего отца. Он тоже был призван в ряды РККА, окончил школу младшего командного состава, но был комиссован по здоровью (у него была эмфизема лёгких). К моменту окончания войны у них уже был сын, а в конце 45 года родилась дочь. Николай, по-видимому, написал своей любимой, сразу, как только смог, но ничего уже невозможно было исправить. Приведу несколько абзацев из его послания. Обращается он к ней уже на Вы, видимо, поставлен мамой в известность об изменениях в её жизни. По почерку видно, что это письмо уже взрослого, сложившегося человека. Хотя ему всего 25 лет. Но позади - война!

«...Валя! Вы мне пишете, чтобы я написал поподроб-

нее о своей военной жизни в течение 4-х с лишним лет Отечественной войны. Но я скажу, что описать подробнее в письме невозможно.... Были такие дни и моменты, когда я вообще не думал о дальнейшей жизни, но всё пережил и перенёс и, как видите, остался жив. Как знаете, Валентина Павловна, что когда меня взяли в армию, то я служил в танковой части полковой школы в должности механика-водителя. Служить пришлось недолго. 22 июня 41 года пришлось первыми выступить на защиту Родины, сдерживать сильнейший натиск немцев. Ибо техника тогда у них была лучше по качеству, и они имели в ней численное превосходство.

Много боёв мы выиграли, и отражали атаки немцев, но в день 12 июля разгорелся большой бой под Ровно. Половина наших танков была сожжена, в том числе сгорел и мой танк. Нам, всему экипажу, удалось выскочить из машины и замаскироваться в лесу, дело было под вечер.

Один экипаж сгорел вместе с танком, а три экипажа в количестве двенадцати человек остались в тылу у немца, но в окружении. Ночью же нам удалось кое-как выйти из окружения и найти подходящий большой лес, где мы пробыли 2-е суток без пищи. В это время наши войска под прикрытием арьергардных заслонов отходили на восток с боями. Но раз отход, то и потери в людях и технике. Часть бойцов попадала в руки немцев, часть же уходила в леса.

Таким образом, у нас скопилось солдат до двух взводов. Началась партизанская жизнь. Так длилось около года, наши войска всё отходили на восток. Ну, и мы, конечно, в конце концов, попали в руки немцев. Часть бойцов были расстреляны, а часть увезена в Германию, вместе с цивильными из оккупированных областей СССР. Невозможно всё описать в письме. За время войны прошёл Польшу, Германию, часть Чехословакии и Австрии, дошёл до Франции»....

До 49-го года время от времени приходили маме письма от Николая Николаевича Жабрева, в то время уже начальника Чагодощенского сельхоз отдела. В них были и упрёки, и сожаления о несбывшихся надеждах, и горечь утраты. Первая любовь не скоро забывается. Как рано им пришлось повзрослеть! Уже в свои двадцать лет они прошли такую школу жизни и столько испытали, что нынешнему поколению и представить это невозможно.

Вот такая грустная история из жизни моей мамы и из истории нашей страны. Не выдуманная, а самая что ни на есть настоящая. Ах, война, что ты, подлая, сделала?!

** Там, где стоит многоточие - пропущен текст
(автор)*

15.04.2010

САМАЯ ЗИМНЯЯ ПТИЦА

*Чуть живой. Не чирикает даже.
Замерзает совсем воробей.
Как заметит подводу с поклажей,
Из-под крыши бросается к ней!
И дрожит он над зёрнышком бедным,
И летит к чердаку своему.
А гляди, не становится вредным
Оттого, что так плохо ему...*

Н. Рубцов „Воробей“

Сколько обидных прозвищ дал человек этой маленькой пташке, сопровождающей его, как настоящий друг, повсюду. Вспомните, куда бы вы ни пошли, ни поехали - всюду воробьи. Летом - особенно, но и зимой тоже. А мы его и пронырой, и пройдохой, и жуликом, и воришкой, и

забиякой... Если бы понимал - обиделся бы насмерть. А так, живёт рядышком, особенно ничего не просит, растит своё семейство, добывая корм правдами и неправдами, зачастую, с риском для жизни.

Верен своей единственной воробихе, выбранной однажды в поединке с соперниками. Задорен, весел, неугомонен, дружелюбен к воробьиному сообществу. Просыпается чуть свет и сразу начинает свою незатейливую песенку: чик-чик, чирик-чирик!

Замечательный рассказ-исследование о жизни Воробьёв, их повадках, расселении написан дальневосточным писателем-биологом, ныне покойным, Сергеем Кучеренко, опубликованный в журнале „Дальний Восток“ № 3 за 2008 год. Сергеем Петровичем так тепло и сердечно написано об этой пичужке, что когда я читала рассказ, меня не оставляло ощущение, что автор всё время улыбается от удовольствия.

Я тоже люблю воробышков и всегда, начиная с детства, наблюдала за ними с нескрываемым интересом. Вот он подбирает пшено вместе с курами. Вот сел корове на спину и выклёвывает что-то у неё из шкуры. Вот валяется на дороге, в тёплой и мягкой пыли, борясь со своими насекомыми. А зимой летит следом за трусящей лошадкой, впряжённой в сани, ждёт, когда она набросает на дорогу дымящихся кругляшей. А вот он уже возле магазина, около хлебного фургона подбирает хлебные крошки.

А как он опекает своих любопытных желторотых птенцов! Они ведь начинают летать уже двух недель от роду. Риск постоянный, всюду хищники: вороны, коршуны, кошки. У Горького в рассказе „Воробьишка“ это описано с точностью невероятной. Воробьиный народ бережёт своё потомство со всей страстью, на какую только способен!

У меня над лоджией тоже живёт беспокойное семейство. У Кучеренко написано, что в воробьиной стае всегда есть вожак, который просыпается первым и начинает будить своё воробьиное сообщество. Так вот у меня и живёт

такой „руководитель“. Только я называю его бригадиром. Просыпается мой „бригадир“ чуть свет, и пошло-поехало со всё нарастающей экспрессией: Чик-чик, чирик. Чик-чик-чик-чирик! Чик-чик-чик-чирик-чирик!! Чирик-чирик-чирик!!!

Продолжается так довольно долго, с полчаса, а то и больше. Воробьи с соседних лоджий и балконов начинают переговариваться с „бригадиром“. Он раздаёт всем задания, а сам ложиться отдыхать. Часов до восьми утра его не слышно. Но это бывает летом. Зимой всё немножко по-другому. Подаёт голос мой воробушек, когда совсем рассветёт. И кричит потише, потому как птенчиков зимой нет, все взрослые. Ищут воробьи пропитание, как могут. В основном, крутятся возле продуктовых киосков.

В этом году у нас зима круто за дело взялась. Морозы пошли, снегу навалило, ветра запели. Жалко мне пичуг. Дай, думаю, устройю своему соседу кормушку. Взяла большую пластиковую бутылку, вырезала ближе к днищу отверстие, привязала за горлышко верёвочку. Насыпала пшена и опустила за окно.

Проверила на второй день - ничего не тронут. Добавила я крошек хлебных, подсыпала ещё зёрнышек, опустила снова. На второй день слышу: щебечут, значит, обнаружили столовую. Утром проверяю, подсыпаю корм, снова опускаю вниз кормушку. В один из дней особенно громко расширились мои нахлебники. Выглянула через стекло на лоджии. А их уже целая стая, штук двадцать, а то и больше. Одни расселись на газовой трубе, что идёт вдоль дома, чуть ниже моих окон, а другие на кустике внизу. Наохлились. Сидят, переговариваются между собой.

Ну, думаю, видно всё стрескали. Отдвигаю раму, чтоб поднять кормушку, а воробьи вдруг как разгалделись, один громче другого. Но не улетают. Что такое? Тяну кормушку вверх, какая-то она тяжёлая. Поднимаю до уровня лица, а в ней воробей сидит и торопливо клюёт. Фрр!- вылетел в последний момент. Товарищи не зря раскричались,

предупреждали его об опасности. А пшено-то ещё не всё склёвано. Это каждый из них терпеливо своей очереди дождался без всякой драки и ссор! А мы говорим: забияки. Никакие они не забияки! Воспитанные, добрые, галантные, заботливые. Интеллигенты. Наши друзья и добрые соседи. Зимари. Здесь у них родина, где они на свет появились.

НИКУШКА

(сказка)

Лесная кикимора Никушка сидела на пне возле своей дряхлой лачуги и горько плакала. Её разбирала жалость к себе. Все кругом казались кикиморе врагами. За последний год она успела поссориться со всеми обитателями леса. Лешего Закорюку обозвала уродом. Подружку лучшую, бабу-ягу Аксютку, - сквалыгой. Добрейшего Дормидонта Кашеича, раздавшего всё своё злато богатырям, - остолопом. Кота-Баюна Васятку - тварью безмозглой. Змея Тритона Горыныча окрестила „Летучим засланцем“. В общем, всем потрафила.

Даже жабы и те ускакали жить в другое болото. А всё почему? Потому что Никушка не давала им рта раскрыть. Терпеть не могла окаянная их пения. Только какая-нибудь из пресноводных заведёт свою песенку, кикимора хватъ её - и в чугунок, да ещё крышкой закроет. Выдержит жабу в закрытой наглухо посуде сутки и только потом выпустит. Бедная животинка еле очухается после этого. И уже не до пения ей. Вот и сговорились жабы сбежать всей роднёй подальше от Никушки.

Птиц певчих кикимора тоже всех извела, швыряла в них камнями и еловыми шишками. Птицы и стали облетать её жилище за три километра. Сначала Никушке нравилось сидеть в тишине. А про бывших друзей и подружку так и сказала: „Ну, и плевать. Без вас не пропаду!“

Да рано поторопилась кикимора сделать такой вывод. В лачуге сидеть противно: грязно там, не убиралась Никушка здесь целый год. В углах паутина проводами висит, стены плесенью покрылись. Единственное окошко от копоти почернело. Вместо постели - перепревшие и отсыревшие прошлогодние листья. Глиняные горшки валяются возле холодной печки. Запасы закончились: ни ягод, ни грибов, ни орехов. Места-то добычливые знала Аксютка. Она и водила Никушку за припасами. Да уж полгода бабка-ёжка к бывшей подружке ни ногой.

А Закорюка тоже бы пригодился! Он кикиморе зайчатинку приносил да молочко лосиное! От голода у Никушки живот подвело. Встала она с пенька, пошла пошарилась под кустами, нашла несколько листочков щавеля. Пожевала, морщась: тьфу! кислятина.

- Ох, Васятку бы сюда с карасиками свежими. Пожарить их на углях до хрустящей корочки! Да пригласить в гости Дормидошку - любит он карасиков - то! А потом в картишки перекинуться или Баюна попросить сказку промурлыкать, он это ловко умеет делать.

От воспоминаний и от голода Никушке стало ещё тоскливее. Побрела она к болоту, раздвинула ряску и посмотрелась в бочажинку. Из природного зеркала на неё глянуло лицо старухи: мутные глаза, всклокоченные пегозелёные волосы, нос, как засохший берёзовый сучок! Она отшатнулась, испугавшись собственного отражения. А лет сто назад Никушка считалась красавицей. От злости, по видимому, она так изменилась.

Она припомнила своё родовое болото. Сколько возле него росло незабудок! А ведь у неё самой когда-то глаза были такие же голубые, как цветы. И носик - тоненький, как молодой побег. А волосы - цвета спелого камыша, лишь слегка отливающие зеленцой.

Никушка стала вспоминать, когда она последний раз проводывала родные места: двадцать или тридцать лет назад? И транспортировал её тогда Тритон Горыныч. Гое-

тинцев Аксютка насобираала для всей родни. Да и Закорюка с котом в стороне не остались. Кикимора снова зашмыгала носом, теперь уже от обиды на себя:

- Чего я такая злая-то стала? Старею, что-ли? Ведь раньше меня все любили за весёлый нрав, за доброту. Другей было - немеряно, а теперь вот одна-одинёшенька. А гостей-то я как любила! Угощенья навывставляю: и брагу берёзовую, и кисель из ряски, и суп из мухоморов, и зайчатинку тушёную с лопухами, и шишки еловые засахаренные в меду.... Плясала до упаду, гостеюшек веселила.

И вязанье совсем забросила. Вот и юбка, связанная из крапивы, вся обтрепалась. У Баюна, поди-ка, коврик, сделанный из пуха камышиного, вытерся, а Васятка любит, чтоб было мягонько спать. А подружка лучшая ногами маётся, ей чулки из заячьей шерстки только и помогают. Дормидонт - тот вообще мерзляка, без свитера даже летом не ходит. Тот, что ему в прошлом году связала, протёрся, наверно. Ой, ведь и Закорюка шапку новую просил связать, старую сороке отдал для гнезда. Лысину нечем прикрыть, а он стесняется! Горынычу мазь приготовить надо из пиявок, у него радикулит, скрипит весь, если не смазывать. Самые жирные пиявки в здешнем болоте водятся. Как же они там без меня? Да и я не могу и не хочу быть одинокой, без друзей плохо жить, тоскливо!

Отодвинув ряску, она умыла лицо, тщательно собрала в пучок волосы, отряхнулась от прилипших к юбке листьев и решительным шагом двинулась по еле видимой тропинке вглубь леса. Путь ей предстоял долгий и трудный, друзья её перебрались на жительство в дальний лес. Но Никушка верила, что друзья ждут её и обязательно простят, потому что она знает те волшебные слова, которые нужно им сказать.

ЛЕШАЧОК-МУЖИЧОК

(байка)

В детстве я часто слышала рассказы о леших. Любили почему-то наши родственнички про них рассказывать. То папа поведает о том, как леший кружил его по лесу по одним и тем же местам, и найти дорогу к дому не удавалось. То дедушка Фёдор, который служил лесником, плёл сказочки про нечистую силу, которой в лесу и в озёрах видимо-невидимо. Конечно, когда ты мал, то веришь всему, что говорят старшие. На всю жизнь запомнилось мне предупреждение взрослых, что ни в коем случае, когда идёшь в лес, нельзя поминать лешего. Иначе, точно из леса не выберешься, так запутает следы, так закружит!

Я помню об этом всегда, если отправляюсь по грибы или ягоды. Один раз со своим близким другом я поехала в лес. Когда мы уже вышли из машины, он вдруг чертыхнулся. Я остерегла его, чтоб он был осторожнее. Ну, и что вы думаете? Он в этот день несколько раз терял ориентиры в лесу и шёл в другую сторону от дороги. Хорошо, что мы были вдвоём, и я каждый раз уговаривала идти в нужном направлении. В конце концов, он запаниковал, и мы решили вернуться домой.

Но встречала я лешего всего один раз. Приехали мы с сестрой Ольгой в гости к маме в конце июня. В тот год в лесу уродилось много земляники. По ягоду нужно было ехать за пять километров от дома. Пришла подруга сестры и стала звать её в лес, но Ольге нездоровилось, и по ягоду поехала я. Сестра предупредила меня, что Татьяна - подруга её - носится по лесу, как лось, забывая о тех, с кем пришла. „Будь осторожна, не заблудись, лес там весь в оврагах, склоны крутые, когда кричишь - звук теряется, держись ближе к тропе“.

Сели мы с Татьяной на велосипеды и покатали по ягоду. Утро выдалось свежее, красивое. Птицы поют, бабочки порхают, в лицо ветерок. Красота! Доехали до де-

ревни, оставили велосипеды у одной из хозяек и дальше пешочком пошли в лес. Углубились и стали ягоды собирать. Земляника - такая ягода, которая любит, чтоб ей поклонялись. Так и вспомнишь сказку В. Катаева „Дудочка и кувшинчик“.

Сначала мы перекликались, но потом напарница перестала откликаться, сестра не напрасно предупреждала. „Ладно, - думаю, - что со мной сделается? В родном краю, от тропы далеко уходить не стану - только и делов“. Собираю по яголке: „одну ягоду беру, на другую смотрю, третью примечаю, четвёртая мерещится“.... Здесь две ягоды, а вон чуть подальше, возле пенька, целые грозди висят! Ой, а под берёзкой-то какие крупные да яркие из травы выглядывают!

Увлеклась и не заметила, что тропинка исчезла. Поаукала Татьяну, но ответа не получила. Решила искать дорогу сама. Иду, осматриваюсь: вроде место знакомое, здесь должна быть тропка. Но нет её! Опять двинусь, похожу, погляжу, покричу: ни ответа, ни привета. Время идёт, а тропы нет. Я уже волноваться начинаю. Но ягоды всё равно собираю. В лес пришла, так не с пустой корзинкой возвращаться домой. Наклонилась за очередной земляничинкой, вдруг слышу: „Не угостишь ягодами-то?“

Поднимаю глаза и вижу: метрах в десяти от меня, за небольшим овражком, стоит мужичок. Небольшого роста в шапчонке и фуфаечке, в кирзовых сапогах, с бородёнкой. А я только что оттуда пришла. Страха, главное, во мне нет никакого, будто он знакомый мой. „Иди, - говорю, - сюда, угощу“. И вдруг спрашиваю у него: „А ты, часом, не леший?“ - „Конечно, леший“, - отвечает. Да говорит так повологодски, налегая на **О**.

В это время я увидела целую гроздь спелых ягод, наклонилась за ними, а когда подняла голову, то никого за оврагом уже не было. Пошла я на то место, где мужичок только что стоял, а там тропа. Вышла я по ней из лесу, а тут и напарница моя появилась, говорит, что голос сорвала,

пытаясь до меня докричаться. Не стала я ей ничего рассказывать, сели мы на велосипеды и повезли свой урожай домой. А леший-то мне какой добрый попался, а?!

ДНЕВНИК „НЕУДАЧНИЦЫ“

(тетрадь первая)

30 июля. 9-30 утра.

Ура! Вчера сдала последний экзамен. По количеству набранных баллов - поступила! Мечта осуществляется, я с первого класса хотела стать учительницей начальных классов. Придётся теперь в институте „грызть гранит науки“. Да мне не впервой, школа тоже крови попила. Зато теперь есть перспектива: через пять лет меня уже никто не назовёт Полькой, а только Полиной Антипадистовной. Солидно звучит, чёрт возьми: педагог Полина Антипадистовна Холодова!

Тьфу ты, ручка потекла! Придётся переписывать заново. Переписала. Теперь можно и отдохнуть, а завтра домой, погуляю последний месяц.

1 сентября. 14-50

Послали нашу группу на сельхозработы в колхоз „Последний обоз» (шутка!) на уборку картофеля. Сегодня и прибыли сюда. Расселили нас в деревенские избы по двое. Нас с Галей Ветерковой отправили на жительство к бабе Агафье. Коза у неё есть, молока попьём. Правда, бабушка сказала, что коза больно бодливая. Да нам до этого дела нет. Зато домик бабкин стоит возле самой речки. Будем вечерами на лодке кататься. Во, гляди-ка, уже кавалеры местные нарисовались! Один симпатичный, чернявенький. Уселась на лавку возле ворот. Схожу-ка я за водичкой!

1 сентября 15-30

Ну, коза, ну, зверюга! Прошла я этак с независимым видом мимо деревенских ребят. Иду ведёрками помахиваю. Зашла на мостки, только наклонилась над речкой, вдруг сзади мне кто-то как наподдаст! Я в реке по самое „некуда“, кавалеры ржут, как резаные, а эта стерва-коза смотрит на меня безмятежными голубыми глазами, словно она не при чём. Вернулась я, как мокрая курица. Бабка ахает, молочко предлагает! Нет уж, пей сама! Чтоб я от этой заразы бешенством заразилась? А Галька пьёт за милую душу. Предательница!

2 сентября 16-20.

Картошкиросло: собирать да собирать. Да ладно, нас ведь рать! Работы я не боюсь, в деревне, чай, выросла, только одежду придётся стирать каждый день, смена всего одна. Хорошо хоть река рядом. Сейчас пообедаю, отдохну немного и пойду. Галька тоже собиралась, да я её опередила. Мыло у нас одно на двоих.

2 сентября 18-00

У Гальки язык змеиный. Кто её просил сказать мне вдогонку: „Мыло не утопи!“ Только огляделась кругом нет ли скотины рогатой поблизости, разложила одежду на мостках, зачерпнула воды в тазик, взяла мыло в руку. А рука то мокрая! Юрк, бульк - только круги по воде пошли! Что делать? Улеглась я на мостки, опустила руку в воду. Нет, не достаю до дна! Опять придётся в воду лезть. Ох, не простудиться бы от этих купаний!

Ну вот, этого только и не хватало: чернявенький нарисовался. И так мне ехидно говорит:

„Что, купаться понравилось?“ - „Понравилось,“- отвечаю, а у самой зуб на зуб не попадает. Короче, выловил он наше мыло. Так и познакомились. Оказывается, он местный, работает трактористом в колхозе, зовут его Митя.

Пригласил меня сегодня в клуб на танцы. Нет худа без добра.

9 сентября 18-15

Дождь уже три дня шпарит. А всё равно работаем в поле, хоть и меньше по времени на два часа. Приходим домой мокрые, грязные. Баба Агафья добрая, печку протопит, одежду просушить есть где, накормит нас, молочком напоит. С Дуськой-козой мы подружились. Даже доить её ходим с Галей по очереди. Я сегодня уже успела поспать два часа, а в семь меня Митя ждёт возле клуба. В кино идём.

Вся неделя прошла, можно сказать, без приключений. Были только мелкие огорчения: порвала единственные колготки, да уронила весла за борт, когда с Митей целовались в лодке на середине речки. Если бы не Митя, пришлось бы мне дрейфовать до тех пор, пока к берегу лодку не прибьёт. Он меня иногда называет „тридцать три несчастья“.

18 сентября 15-20.

Меня сегодня раньше всех отпустили с поля. Есть веское на то основание - День рождения! Гости придут. Бабуся уже пирогов напекла. Хорошая она, одинокая только, вот к нам с Галькой и привязалась. Сказала, что бражкой угостит всех ради праздника. Никогда не пробовала, сегодня можно. Пойду, помогу на стол собрать.

19 сентября 21-00

Да уж, попробовала! И чего я так раздухарилась? - „Налейте мне в кружку!“ Ну, налили. Сладкая. - „Ещё!“ - Налили. Митя говорил, чтоб не пила, мол, плохо потом будет. А мне так весело, кричу: „Всем плясать!“ Хочу встать - и не могу! Ноги совершенно не работают. Тут я испугалась и рыдать начала. Кое-как меня убедили, что это временно, бражка так действует на организм. Прошло не

сразу, натерпелась я страху. Никогда её больше в рот не возьму!

25 сентября 17-30

Заканчивается наша колхозная жизнь. Ещё три дня, и в институт вернёмся. Митя грустный, говорит, что любит меня. Да и мне он очень нравится, ещё бы поменьше ехидничал. Допоздна гуляем с ним, на лодке катаемся. Обещаю ему, что писать буду каждый день. Он собирается на следующий год поступать в сельхозакадемию, если в армию не заберут весной. Теперь только летом увидимся с ним.

Напоследок мы решили своими силами в клубе концерт устроить. У меня ни голоса, ни слуха. Девчонки учат частушки деревенские, а мне доверили только припев выкрикивать, где „их!“, где „ух!“, да платочком взмахивать. Митька ехидничает опять, сравнивает меня с филином. А что делать? Участвовать-то нужно, коллектив поддерживать.

28 сентября 22-00

Опять попала впросак. И что мне так не везёт? В последний день на поле во время передышки девчонки решили посоревноваться: кто самый меткий. С десяти метров кидали картошинами в открытый мешок. Танька Петрушкина решила повыпендриваться. Сказала, что с закрытыми глазами попадёт.

Попала! Мне в глаз! Фингал такой получился, что самый заправский хулиган бы позавидовал. А мне ещё эти „их-ух“ на сцене выкрикивать. Митька снова за своё: „Давай, - говорит, - для симметрии синяк под второй глаз поставим, подумают, что тени такие яркие“. Чуть ему в глаз не влепила, ехидине!

Замазали девчонки синяк, как могли. Я отворачивала лицо от зрителей насколько возможно, да всё равно увидели. Как только я махну платочком, да выкрикну свои „их-

ух!“, зал ложится в покатушку. Митька хохотал громче всех. Ну, ладно, зато повеселили деревенских на прощанье. Всем селом нас провожали, бабуся наша прослезилась, и мы тоже. Про Митьку и как мы с ним прощались, писать не буду. Обиделась я на него.

30 ноября 20-10

Два месяца учёбы в институте пролетели. Это вам не школа! Требуют по полной программе. Будущие учителя должны быть высокоинтеллектуальными и грамотными специалистами. Советская школа - лучшая школа в мире! зубрить приходится бесконечно.

Девчонки в группе хорошие, помогают друг другу. И всё бы ничего, не будь уроков музыки. С пением ещё куда ни шло, но нужно обязательно освоить музыкальный инструмент. Преподавательница музыки Антонина Сергеевна Громова распределила между нами инструменты. Мне досталась домра. Кто не знает - это русский народный щипковый инструмент с четырьмя струнами. Играют на нём с помощью медиатора.

Вот где начались мои мучения! Я уже писала, что у меня ни слуха, ни голоса. А здесь слух нужен и умение обращаться с инструментом. Антонина Сергеевна две недели учила меня правильно инструмент держать, даже оставалась со мной после занятий. Пишу и вздрагиваю от мысли, что завтра очередное мучение предстоит.

Представляю сердитое лицо Громовой: „Холодова, возьми инструмент правильно, что ты его как лопату держишь! На колено обопри, гриф на сгиб левой руки! У тебя что это - руки или грабли?“ И много ещё чего она мне говорит, даже писать не хочется. За два месяца я сломала несколько медиаторов, а струн порвала немеряно! Что будет дальше?

В остальном всё хорошо. Отдыхать, правда, почти не приходится. Вот дневник веду изредка, да на письма отвечаю. Митя пишет.

2 февраля 16-50

Долго не писала ничего - некогда было совершенно. Зимняя сессия, потом каникулы, побывала дома. Сдала все предметы успешно, кроме домры. У неё, кстати, есть ещё одно название: пандура. Антонина сказала, что мне не медведь, а мамонт наступил на ухо, и что такой бестолковой ученицы у неё отродясь не было. Инструмент по названию мне соответствует. Не знает, что делать со мной, выпустить-то всё равно придётся и отметку ставить. Господи, помоги мне несчастной!

24 февраля 17-10

Вчера ходили с девчонками во Дворец авиастроителей по приглашению лётчиков из авиаотряда. Натанцевалась до упаду. У меня сразу два кавалера появилось, оба красавцы. Один светленький - Андрей, второй темноволосый - Игорь. Я-то люблю чернявых.

Гуляли до 12 часов с Игорем, вахтёрша пускать в общагу не хотела. Хорошо кавалер мой сумел её уговорить с помощью шоколадки. Ещё к занятиям готовилась до двух часов ночи. Сегодня еле встала, настроение паршивое с утра, так как музыка нынче, домра эта проклятущая!

Да, забыла совсем! Митька пишет: в армию его в марте забирают, не увидимся летом.

27 марта 16-40

Есть Бог на свете! Закончились мытарства с музыкой. Громова - гений! Ну, это у меня эмоции через край, начну по порядку.

Антонина Сергеевна придумала, как решить проблему с моим слухом музыкальным. У нас в Педе из студентов первого курса создают что-то типа оркестра народных инструментов. Есть там среди прочих инструментов большущий "турецкий" барабан. По нему нужно ударять колотушкой, получается такой глухой звук „бум!“ Так вот я теперь - барабанщица!

Антонина мне объяснила, что делать. Она, значит, дирижирует оркестром, а когда нужно ударить колотушкой по барабану, делает мне незаметно знак рукой. Я делаю „бум!“, она кивает мне головой, мол, всё о, кей, и до следующего взмаха, опять „бум!“ К примеру: „Вечерний звон - бум! Вечерний звон - бум! Как много дум - бум! бум! наводит он - бум!! бум!! (здесь ударять нужно очень сильно). Прощай, пандура!

Игорь улетел на ученья. Митька пишет из учебки - на танкиста учиться. Не знаю, который из них мне больше нравится: лётчик или танкист? Оба красивые и весёлые. Теперь и я весёлая: бум! бум! бум!!! Прощай, пандура! (Дальше идут вырванные страницы).

Тетрадь третья.

(Вторая - утеряна. Прошло четыре года)

30 августа 20-15

Защитилась успешно. По распределению попала в свой же район, в село Старое в семидесяти километрах от родного дома. Село небольшое, школа восьмилетка. Школьников немного, поэтому буду вести сразу четвёртый и первый классы.

Дали комнату в общежитии. Есть молодые незамужние учительницы, уже с двумя подружилась. Готовим вместе школу к учебному году.

Рядом с селом проходит автострада, рейсовые автобусы ходят несколько раз в день. На выходные буду ездить к маме.

14 сентября 16-20

Игорь нарисовался. Прилетел вчера. Опять уговаривал выйти за него замуж. Говорил, что жить не может без меня. Знаю я, как он не может! Прекрасно обходился полгода с тех пор, как мы поссорились. Сказала ему, что у меня есть другой. Распсиховался, обозвал меня „училкой

недоделанной“ и уехал. Два часа ревели, как белуга. А потом решила: ну и пусть катится. Вот назло ему выйду за первого попавшегося! Без него проблем море.

Дети у меня разные. Первоклассники все лапочки только отчество моё произносить никак не научатся: Полина Анисовна, Полина Антидисовна. А среди четвероклашек есть два хулигана: Гришка Семёнов да Колька Мешков. То жёваной бумагой из трубочек стреляют, то кнопки подложат на стул, то слова непотребные на доске напишут. Ну, ничего, посмотрим, кто кого!

25 сентября 17-00

Вчера у меня был „чёрный день“. По школьной программе нужно природоведение несколько раз в четверть на природе проводить. Собрала я своих деток и повела в ближайший лес. Все идут парами, только эти два шалопа, Гришка да Колька, бесятся: то ветку оттянут и отпустят по лицу идущего сзади, то на дерево полезут, то в кустах спрячутся. В конце концов, я взяла обоих за руки и повела, как малышей. Вырываются, но идут.

Вдруг мне в глаз какая-то соринка залетела. Я руку Гришкину отпустила, а он сразу в сторону и вдруг как зарорёт благим матом. Я перепугалась, кинулась к нему. Представляете, картина маслом: какой-то браконьер установил капкан, а мальчишка в него угодил одной ногой! Попыталась я освободить его, да не тут-то было. Что делать - ума не приложу!

Малыши перепугались, ревут, и сама я чуть не плачу. Хорошо, что с нами Колька был. Этот не растерялся, нашёл какую-то железку и через десять минут освободил приятеля. Я Кольку прямо расцеловала. А Гришка сидит на земле слёзы с соплями по лицу размазывает. Осмотрела ногу. Вроде перелома нет, ботинок из грубой кожи спас. „Идти можешь?“ - спрашиваю. Кивает.

На этом наш первый урок на природе и закончился. Распустила детей по домам, а пострадавшего в медпункт

повела. Идёт, хромает. Ногу не повредил, слава Богу! Как вспомню - так вздрогну.

14 января 17-20

Закончились зимние каникулы. Позавчера вернулась от мамы. Как дома хорошо! Не уезжала бы никогда! У нас в селе средняя школа, только места учителей начальных классов все заняты, жаль.

Ученики мои все успешно закончили полугодие. Про первоклашек ничего не стану говорить, а вот четвёртый класс отличился. Два двоечника, Гришка и Колька, подтянулись по всем предметам. Особенно Гришка постарался, у него в дневнике половина четвёрок. А с Колей я подружилась, он у меня после случая в лесу - первый помощник.

В личной жизни тоже всё прекрасно. Игорь написал мне ещё несколько писем, уговаривая поехать с ним к новому месту службы на Дальний Восток. Я ответила, что хочу жить в родных местах и никуда отсюда не поеду. Потом письма идти перестали, наверное, женился. Зато я познакомилась с местным пареньком, зовут его Вася Корин.

Мне подружки новоявленные всё в уши дули, что есть, мол, в селе парень: красивый, волосы чёрные до плеч, зубки белые, да ещё на гитаре играет и песни поёт - заслушаешься! Я и говорю: „Познакомьте. Мой будет!“.

Познакомились без посредников. Парень хоть куда. На танцах в клубе подошёл ко мне. Брюки клёш, волосы смоляные до плеч. Улыбка белоснежная. Танцует, как бог. А как на гитаре играет, а поёт! Только ростом с меня всего. Да это не так важно. С декабря дружим, и мне кажется, я снова влюбилась.

15 февраля 15-40

У меня сегодня праздник! Нет, не Сретенье. Василий сделал мне предложение, и я согласилась. Мы уже подали

заявление в загс, а через месяц - свадьба. Пишу приглашительные родственникам, поэтому не до дневника.

В школе всё прекрасно. Директриса замечательная, коллеги-учителя дружные, детки многие уже научились правильно произносить моё отчество. Все рады за меня. Только одна старая учительница Мария Яковлевна как-то странно посмотрела на меня, когда я сообщила о скором замужестве, и спросила: „Полина, а вы хорошо знаете Василия?“ - „Да“. Она покачала головой, но ничего больше не сказала мне.

24 февраля 16-15

Куда-то запропастился Вася, не появляется у меня уже неделю. Очень странно! Нужно к свадьбе готовиться, а он меня ещё с мамой своей даже не познакомил. Собирались пойти к ним в гости на 23 февраля. Я ему подарок купила. Где же он? Пойду, разузнаю у друзей.

24 февраля 18-10

Разузнала! Женишок мой, оказывается, в вытрезвитель попал на две недели. И не в первый раз уже. Для меня это сюрприз: ни разу не видела его пьяным. Иногда он, правда, не приходил ко мне по два-три дня, но объяснял, что дел по дому много. Они с матерью живут в своём доме в семи километрах от села Старого в деревне Мостки.

Стыдоба, хоть заявление из загса забирай. Но люблю ведь его. Подумала, подумала и решила, что перевоспитаю. Что я - не учительница разве? Да и приглашительные всей родне разослала.

6 марта 15-40

Да, увидели бы мои родственники жениха моего! Сама не понимаю: где мои глаза были? Пришёл ко мне Васенька, а я его и не узнала. Где мой красавец белозубый да черноволосый? Под глазом у Васи ещё не выцветший окончательно синяк, двух передних зубов, как не бывало (в

драке выбили), побрит налысо, а ростом меньше меня на несколько сантиметров. Он, оказывается, туфли носил на каблуке, под клёшами не видно было. Растерялась я, а он на колени передо мной встал, руки целует: „Прости меня, любимая! Больше такое не повторится!“

Жалко мне его стало, заплакала и простила.

22 марта 23-50

Угомонился мой муженёк, можно душу отвести. Кроме дневника некому пожаловаться. Сначала про свадьбу.

На свадьбу собрались все родственники и со стороны жениха, и мои. Василий уже до застолья приложился хорошо, ходит, пошатывается. Его родня мне комплементы отвешивает, особенно мужская половина. У Васи интересуются, как он сумел такую девчонку сосватать.

Зато моя родня в шоке. Мама, конечно, сразу было видно, как расстроилась, остальные просто головами качали. Только самая старшая мамина сестра, тётушка Валентина, самая эмоциональная, не вытерпела. Руками всплеснула, как жениха увидела. Отвела меня в сторонку и говорит: „Полина, ты где нашла такого уroda? Сама такая видная румяная, большеглазая. Женихи красавцы всё время у тебя были. К тому же, он - пьяница! Отмени свадьбу, ничего хорошего тебя не ждёт!“

Я тёте ответила, что поздно уже. Так она даже на свадьбу не осталась: „Не могу, - говорит, - я на это безобразии смотреть!“ И уехала.

На свадьбе было всем „весело“, а особенно Васе. Он пил, пел, плясал, посуду бил и со всеми задибался. Потом завалился спать прямо в свадебном костюме.

Я уже неделю замужем, а мужа своего ещё трезвым не видела. Мама у него - женщина хорошая, и дети её старшие все самостоятельные и живут в других местах. Васька последний в семье, избалованный. Мать, пока младше был, справлялась с ним, а теперь уже не может.

Мы с ней, когда порядок наводили на третий день после свадьбы, наговорились обо всём.

Она у меня спросила, буду ли я хозяйством заниматься, я отказалась. Школа отнимает всё свободное время. Тогда она сказала, что распродаст скотину и поедет жить к дочери, та давно её зовёт. Мол, ты теперь хозяйка в доме вот и управляйся. Вчера и уехала. Ой, Вася заворочался, надо свет гасить, пока не встал!

3 мая 23-55

Когда я только успела „залететь“, муж трезвым не бывает почти? Вот опять пришёл пьяней вина, храпит в спальне. А я только с тетрадами и планами закончила. Ещё посуду надо помыть, да дров занести, чтоб утром печь протопить успеть до школы. Ох, и воды на доньшке в баке. Верчусь, как белка в колесе. До школы идти „семь вёрст и всё в гору“, как говорит мой брат. Да ещё тошнит всё время.

А муж мой скандалит. Придёт пьяный, развалится за столом и орёт: „Жена, подавай есть!“ А если что не так, то всё летит в меня. Пыталась к девчонкам в общежитие уйти, так он и туда вваливался и дебоширил. Преподаватели мне сочувствуют, даже советуют уйти от мужа. Куда уйдёшь-то, всё равно найдёт? Приходится терпеть, ведь маленький будет. О перевоспитании своего благоверного даже не думаю: горбатого могила исправит, так тётушка моя сказала, которая Валентина.

25 января 1 час ночи

Не писала ничего сто лет! Я теперь мама. Митеньке моему почти месяц. Не доходила до срока три недели. Удивительно, что вообще до сих пор живая, и ребёнок при мне. Благодаря соседям и коллегам продержалась до восьми месяцев. Васька не меняется. Хотела уйти от него, когда в декрет вышла. Упросил, сказал, что завяжет с пьянкой. Правда, не пил почти месяц, а потом ещё хлеще запил, на-

верное, чтоб наверстать упущенное. Теперь тоже есть причина - сын родился. А сам и сына ни разу на руки не взял за месяц. Любовь моя к нему сгорела дотла и теперь уж вряд ли возродится.

А малыш хорошенький. Уже волосики есть, только светлые. Впервые в жизни мне светловолосый „мужичок“ нравится! Василий, оказывается, тоже белобрысый с рождения, волосы он басмой красил. Митенька, мой хороший, закрихтел чего-то, пойду, пелёнки проверю и спать....

26 февраля 2 часа-10 минут ночи

Не могу уснуть. До сих пор, как вспомню, от ужаса колотит. Хоть бы молоко не пропало, малыш и так слабенький. Чего уж я не насмотрелась за этот год и не натерпелась от своего муженька, но такого ещё не видывала.

Управилась я с хозяйством: печки протопила, обед сварила, пелёнки постирала. Решила их развесить во дворе на верёвках. Сегодня было так солнечно, и ветерок тёплый. Завалинки подтаяли. Митенька спит, носиком посапывает.

Вышла я на крылечко и только хотела шагнуть во двор, вдруг слышу какой-то шум непонятный, словно топот лошадиный. Оборачиваюсь в сторону дороги и вижу: во весь опор к нашему дому скачет белый конь, а верхом Васька сидит и гикает ещё! У меня тазик с бельём из рук вывалился, а саму словно судорогой свело: пошевелиться не могу. Конь уже рядом, сейчас растопчет меня насмерть. Матушки-светы! И вдруг как вкопанный останавливается в полуметре от меня. А этот придурок ржёт сам, словно конь! Типа: испугалась?

И решила я больше судьбу не испытывать. Давно мне соседки сердобольные талдычили: „Уходи от него, девонька, пока не поздно!“ Пора. Завтра уйдёт это чудо-юдо на работу, и я уеду.

5 марта 15-20

Я у мамы уже неделю. Отдыхаю душой и телом. Я ведь ей ничего не писала про свою „жизнь“. Она думала, что у меня всё хорошо, а я - вот она, во всей красе! Выдержки моей хватило до тех пор, пока порог родного дома не перешагнула. Заревела сразу, как корова. Мама Митю взяла у меня из рук, а у меня сил нет даже пальто расстегнуть, бессилие напало страшное. Сижу и плачу в три ручья. Мама посмотрела на меня и тоже расплакалась: „Полношка, что с тобой случилось? Худенькая-то ты какая! Одни глазщи! Господи, да раздевайся ты скорее. Сейчас я тебя чаем напою и ложись, отдохни. Потом расскажешь всё“.

Можно было ничего уже не рассказывать ей, мама и так всё поняла. Но рассказала всё равно.

Утром, как только Василий ушёл на работу, я стала складывать вещи. Положила только самое необходимое своё да Митенькино. Узел большой получился, однако. Завернула я сына, закрыла дверь и двинулась по направлению к автотрассе. Тяжело нести и вещи, и сынишку. Чувствую, одеяло разворачивается, видно в спешке плохо перевязала лентой. Навстречу мне женщина идёт пожилая и говорит, обращаясь к кому-то сзади меня: „Что ж ты идёшь, руки в брюки! Жена надрывается, а ему хоть бы что! Смотри, у ребёнка уже ножки наружу торчат!“

Обернулась я, а следом идёт молодой мужчина, и знать я его не знаю. Но он вдруг подходит ко мне, берёт узел с вещами и говорит: „Давайте, я вам помогу!“ Донёс мне вещи до остановки и не уходит. Я ему: „Спасибо, я теперь сама“. А он мне в ответ: „Раз меня к вам в мужья назначили, позвольте хоть в автобус вас посадить“. А у меня такое ощущение, словно я его давно знаю, поэтому соглашаюсь. Парень у меня так ненавязчиво выпросил: куда я еду, да как меня зовут. И про Митю справился. Своё имя тоже назвал: Алексей. Сказал, что к сослуживцу бывшему в гости приезжал порыбачить. А живёт в райцентре.

Что-то я вдруг про него вспомнила? Парень, как парень, высокий, светловолосый синеглазый. Спокойный и серьёзный, располагает к себе с первых слов. В общем, надёжный. Я маме и про него рассказала.

Васька приезжал опять в своём репертуаре, да мама его и на порог не пустила: „Иди с глаз моих, пока милицию не вызвала!“

Я уже на развод документы подала и чувствую себя почти счастливой.

9 марта 14-25

Подумать только! Этот мой случайный знакомый, который Алексей, вчера приехал к нам. Нашёл каким-то образом, хоть я ему ни фамилию, ни адрес точный не называла. С цветами, с тортом. А Митяйке мишку плюшевого привёз. Мама опешила, про меня вообще можно промолчать. Я уже успела забыть, что такое цветы к празднику.

Мама стол накрыла, попили чайку. Достали было и бутылку вина, да Алексей сказал, что не пьёт. Молчаливый он больно, только смотрит на меня, и всё. Мама порасспрашивала его немного. Оказалось, парень закончил институт, по профессии инженер-электрик. Работает на заводе в отделе главного энергетика. Есть родители и старшая сестра. Когда уходил, спросил, можно ли ему иногда навещать к нам. Мы разрешили. Мама потом мне сказала, что парень ей приглянулся. Да и мне Алексей понравился, хоть он и белобрысый.

На этих словах дневник обрывается....

ПОСЛЕДНЯЯ НОЧЬ

Моему деду Павлу Андреевичу Курдышеву

Старик доживал свою последнюю ночь. Он понял это каким-то шестым чувством. И не потому, что не спалось. Бессонница стала привычной. Слепота, поразившая его несколько лет назад, вынуждала большую часть суток находиться в лежачем положении. То, что смерть подошла очень близко, он почувствовал, когда, проваливаясь, время от времени в короткое забытье, явственно видел свою, умершую несколько лет назад, жену. Ольга была молодой и улыбчивой. Она стояла на стареньком мосту через речку Тумбу и призывно махала ему рукой.

Старик, словно воочию зрел, как весёлая речушка шумно бежала под мостиком, омывая крупные камни, лежащие возле берега. Воды её были по-прежнему непрозрачны и густы. А тень от столетних ёлок, спускавшихся с косогора к самой воде, делала их ещё более тёмными. Кусты таволги, подступавшие к реке, стояли высокой плотной стеной. Их пышные, слегка желтоватые соцветия, качались от лёгкого ветерка. Над цветами сновали вездесущие пчёлы. Старик различал даже звуки и запахи.

Он захотел приблизиться к жене и вышел из забытья. Непроглядная, всепоглощающая тьма перечеркнула только что виденную счастливую картину. Старик лежал на узкой постели в закутке за печкой в доме дочери Клавдии. В тишине спящего дома ходики гулко считали последние часы его земной жизни. Похрапывали домочадцы. Где-то далеко влала собака, ей откликнулись её сородичи. Скрипела и погромыхивала паромная переправа, пропуская очередное судно, слышались гудки: недалеко от дома дочери пролегал канал. Всё было чужим и неприятным.

Старику до сердечного затмения захотелось хоть на несколько минут вернуться в прошлое, в свой дом на косо-

горе, к яблоням и сирени, к тихому уюту их ладного и хорошо обустроенного дома, где всё, до последнего гвоздя, было сделано когда-то его умелыми руками. Он прикрыл глаза и мысленно постарался восстановить в памяти только что виденную картину.

Проторённая тропа поднималась от речки к единственной в их небольшой деревушке улице. Задами к реке стояла низенькая подслеповатая избушка Макарихи, а перед ней обнесённый изгородью надел земли, принадлежащий его семье. Здесь он когда-то сеял жито. Из него Ольга варила знатное пиво, до которого была большой охотницей. Почему-то пиво называли „цуйка“. А ещё раньше стояли в ограде несколько ульев. Нужно было и лакомство семье, которая насчитывала больше десяти едоков, где из восьмерых детей шесть дочек.

Отчего-то вдруг запершило в горле. Старик нащупал на табуретке возле кровати банку с водой, сделал несколько глотков тёплой, пахнущей железом воды. Смерть поторапливала его, стояла в ногах и трогала ступни ледяными пальцами.

- Погоди, ужо, успеешь ещё, - мысленно упрекнул он её. Старик не боялся смерти, он давно ждал её, но сейчас ему захотелось в последний раз вернуться туда, где прошла его жизнь, где родились его дети, где обитала его душа, где вода из родниковой речки, была такой холодной и вкусной, какой он не пивал больше нигде.

Память услужливо, словно поводырь, повела его дальше по тропе к родному дому. Широкое крыльцо, тёмные сени. Из сеней несколько дверей: в дом, в кладовую, в скотный двор. Сначала он заглянул во двор. Запахло сеном, древесной стружкой, навозом, парным молоком. Широкий въезд позволял на лошади завезти сено на поветь. Внизу у него была мастерская. Старик один на все окрестные деревни умел делать сани, телеги, детские саночки и ещё много чего. Да и жена ему досталась трудолюбивая. Характером, правда, крутовата, но зато работница - каких поис-

кать. И пряла, и ткала, и холсты белила, и детей обшивала, и пироги пекла. А когда его забрали на войну, то и скот резала в округе вместо мужика, тут характер и пригодился.

Бывало, конечно, ссорились, не без этого. Жена была крута на расправу, детям доставалось от неё часто, но при муже Ольга не трогала детей, он запрещал ей это, и когда она пыталась нарушить запрет, то ей доставалось крепко. Он обожал детей, радовался каждому, называл их полными именами, любил подшучивать над детьми, а позже над внуками.

Перебирая память, словно путеводную нить, он вошёл в дом. Печка, выкрашенная синей краской, темнела исподом. На шестке несколько почерневших, прокалённых огнём чугунков. Возле шестка табуретка, с широкой сидухой. На ней любила сидеть жена, прислонившись к печному боку. Так, сидя возле печки, она и умерла, словно заснула. Он припомнил в деталях этот день. К ним пришла дочь Александра, принесла старикам молока и письмо от старшей внучки. Ольга попросила прочесть его вслух. Шура читала, поглядывая на мать, которая слушала, изредка прикрывая глаза. Вдруг, посреди чтения, Александра сделала паузу и произнесла: „Папа, ведь мама-то умерла“.

- Да что ты, Шура! - воскликнул он, не поверив. Но это оказалось правдой.

Какая лютая была в тот год зима! Морозы под 40. Дети и внуки съехались со всех сторон страны. Два дня долбили могилу, потом бесконечные поминки.... За совместно прожитые годы он расставался с женой только на время войны, а в этот раз - навсегда. Старик вздохнул: „Скоро встретимся, старуха!“

Он всю жизнь упорно отказывался верить в существование Бога, но что-то внутри подсказывало ему теперь, что Он есть. Иначе, как объяснить присутствие того костлявого существа с ледяными руками в его ногах, которое позволяет ему ещё и ещё раз прикоснуться к прошлому. Старик попытался вспомнить молитвы, которым когда-то

давно обучала его матушка Варвара. „Отче наш, Иже еси на небесех! Да святится имя Твое, да придет Царствие Твое...“. Он прочитал молитву до конца, почти не спотыкаясь, и тихо обрадовался этому.

Вдруг в его сознании, словно отблеск далёкой грозы, вспыхнула и стала разрастаться картина из далёкой юности: худенькая, ясноглазая девушка летела на белой кобылице. Ветер трепал подол её холщёвого платья, волосы билась по плечам, а рядом с ней на гнедом жеребце, впиваясь пятками в бока коню, молодой черноволосый и смуглый - он сам. Перед ними расстилалось просторное бескрайнее поле, над их головами плыли по ночному небу, словно лебеди, облака, ветер свистел в ушах и обжигал лица. Далеко впереди ещё темнел горизонт, но уже разгоралась яркая, словно кровь, заря. Всё только начиналось.

СТРАННОЕ ЧУВСТВО ЛЮБОВЬ

Новелла

***

„Ибо от избытка сердца говорят уста“ Мф. 12-34

Он произвёл на неё впечатление ещё давно, с самой первой встречи, своей яркой внешностью, остроумием и доброжелательным отношением к миру. Бывало, что они перекидывались с Костей шутливыми репликами. Варя с удовольствием смотрела на его красивое лицо, в чертах которого просматривалось что-то восточное. Видно где-то там, в прошлом, имелись у него родственники не славянских корней. Но ничего не предвещало дальнейших событий, они были коллегами и только.

Чувство вспыхнуло в ней неожиданно и поразило в самое сердце, как разряд молнии в сухую и безветренную погоду, и произошло это помимо её воли и желания.

По работе ей приходилось пользоваться служебным транспортом, а водителем легкового авто был Костя. В один из дней Варя сидела на заднем сиденье автомобиля и думала о чём-то своём. Неожиданно она посмотрела в зеркало над головой водителя. Глаза Кости, устремлённые на дорогу, большие и красивые, были полны даже не печали, а какой-то вселенской тоски. Варя вздрогнула от чувства жалости и желания приласкать, пожалеть этого чужого ей мужчину. Почему-то ладони рук обожгло, словно огнём. Она с трудом удержала себя от желания прикоснуться ими к Костиной спине.

С этого дня Варя потеряла покой и думала о Косте днём и ночью. Она ежечасно ждала теперь встречи со своей неожиданной Любовью, почти перестала спать и есть. И на работе, и дома все делала машинально, невпопад отвечала на вопросы, ловя на себе вопросительные взгляды окружающих. А ночами, когда руки мужа касались её, Варю

охватывало чувство отвращения, которое скрывать с каждым разом становилось всё сложнее. Ей казалось, что она изменяет Косте. И жить вдали от любимого человека, который даже не подозревает о её любви, было невыносимо. Варя испытывала сложное чувство, где счастье и боль сплелись в тугой узел, который невозможно было разрубить.

Как-то ночью, лёжа без сна, Варя вспомнила, как ещё в школьные годы, где-то в девятом классе, она решила погадать. Поставила два зеркала напротив друг друга, зажгла свечу и стала вглядываться в потаённую глубину одного из них, приговаривая про себя: „Суженый мой, ряженный, приходи ко мне....“. Через пару минут в зеркале что-то стало происходить. Вдали появилась маленькая светящаяся точка, которая стала приближаться. Вдруг по поверхности зеркала словно прошла лёгкая зыбь, и Варя увидела мужской силуэт в белой, слегка развевающейся как бы от лёгкого ветерка рубашке. Волосы у парня были тёмные. Лица она разглядеть не успела, зеркало вдруг треснуло, по нему всполохами побежали мелкие трещинки, и призрак исчез. Варя вскрикнула, испугавшись, вскочила и повернула выключатель. Яркий свет залил комнату. С тех пор гадать она не решалась.

Теперь она поняла, что видела тогда в зеркале Костю. Он любил носить белые рубашки навывпуск, был темноволосяным и недосыгаемым.

Неожиданно в ней открылся талант - Варя начала писать стихи. Рифмованные строчки появлялись в голове сами по себе, требуя взять в руки ручку и лист бумаги. Раньше ей снились сны, в которых она сочиняла красивые длинные стихи, декламируя их наизусть, а когда просыпалась, не могла понять, почему она их не помнит. Видимо те, сочинённые в ночных видениях стихи, теперь пошли из её сердца.

Я знаю тебя так давно,
Что даже не помню начала.

Крещение, морозы, окно,
Свеча, что в окне отражалась.
И в зеркале твой силуэт,
Твой профиль, очерченный кругом.
Высвечивал слабенький свет
Лицо твоё, волосы, губы.
Чернявый мальчишечка мой,
Чуть грустный, в рубашечке белой,
Я помню тебя, мой родной,
А, может, придумать успела...

***

*Когда тайну знают двое,
Это - уже не тайна.*

Можно скрыть от окружающих чувство ненависти, но любовь скрыть невозможно. Через некоторое время намёками, а где и открытым текстом коллеги дали понять Варе, что её чувства видны, как на ладони. Влюблённая женщина не умеет управлять эмоциями. При виде Кости у неё ярким огнём вспыхивали щёки, руки подрагивали, губы сами растягивались в счастливую улыбку, глаза блестели. Варя стала тщательнее следить за своим внешним видом, похудела, похорошела. А если ей удавалось перекинуться с Костей парой незначачих фраз, то она не ходила, а летала по коридорам предприятия. И в то же время она страшилась этой всепоглощающей любви к чужому мужу. Боялась огласки и не хотела, чтобы об её увлечении узнали дома. Но ничего уже нельзя было изменить.

О Боже мой, какая жалость,
Что мой секрет уже не мой!
Я, кажется, перестаралась,
Стараясь справиться с собой.
Я так отчаянно боялась,
Чтоб не узнал о нём никто,
Так равнодушьем прикрывалась,
Что всем всё ясно: что про что...

***

- . Любовь - ненастье и беда?*
- О, да!*
- . Тогда живи без бурь и бед!*
- О, нет!*

Очень сильное чувство не может не найти отклика в том, на кого оно направлено. Прошло несколько месяцев с того дня, когда Варя в один момент влюбилась в Костю, и он стал оказывать ей знаки внимания. То невзначай коснётся руки, то скажет комплимент, то поможет что-то донести до отдела, то купит шоколадку и принесёт вроде к чаю для всех, но подаст именно ей. Услышав, как Варя рассказывала сотруднице сон, в котором она ела вишни (дело было зимой), Костя купил пакет черешни. Где он её откопал в такое время, одному Богу известно

- Пусть твои сны сбываются! - улыбнулся он, протягивая Варе ягоды. Та вспыхнула от радости.

Коллеги-наблюдатели чувствовали на себе что-то типа электрических волн, если Варя и Костя находились рядом, и старались не пропустить таких моментов.

Как-то Костя спросил у Вари, как её звали в детстве.

- Варюшка, - ответила она, слегка покраснев, - мама и сейчас в письмах так мне пишет.

- Можно, и я буду тебя так звать? - обрадовался он.

Варя кивнула. С того времени он всегда стал обращаться к ней именно так. Растущее обоюдное чувство не заходило дальше редких встреч на работе. Костя несколько раз предлагал Варе съездить на природу, но она отказывалась от его предложений, несмотря на то, что ей очень хотелось побыть с ним наедине. Варя корила себя за то, что поддалась невольному чувству, понимая, что стоит только переступить какую-то черту, и потом уже ничего нельзя будет вернуть назад.

Пора опуститься на грешную землю,
Не время витать в облаках.
Я голосу сердца, не разума, внемлю,
Баюкая счастье в руках.
Ращу я его, как родное дитяти,
Храню от обид и невзгод.
В любовь одеваю, как в лучшее платье,
Но что-то оно не растёт....

***

Из тысяч лиц до смертного конца Прекрасней нет любимого лица.

Противься - не противься, а не убежать от любви, если она поселится в сердце. Закрутило, захватило Варю с Костей всепоглощающее чувство. Уже не обращали они внимания ни на усмешки, ни на любопытные взгляды коллег. Варя насмотреться не могла на возлюбленного, и он отвечал ей взаимностью. Они часами разговаривали по телефону в нерабочее время, а на работе каждую свободную минуту искали возможности посмотреть друг другу в глаза, соприкоснуться руками....

Варя ощущала себя десятиклассницей, влюбившейся впервые. Давнее замужество казалось ей чем-то нелепым и ненужным. Дети, конечно, не давали ей забыть о своих обязанностях, но с мужем было гораздо сложнее. Он не желал примириться с существующим положением вещей. Дома начались бесконечные скандалы. Дело доходило до развода.

Но Варю, как лошадку, закусившую удила, уже невозможно было остановить. В город пришла ранняя весна, потеплело, и двое влюблённых уезжали за город на протоки, брали с собой что-нибудь перекусить, удочки, гитару. Ловили рыбу, варили уху, пели песни, загорали, купались, дружились, словно дети. Целовались до умопомрачения....

Мы поедем с тобой на природу
Налегке, без больших рюкзаков,
Поглядеть на текучую воду
В частоколе сплошных тальников.
Будут чайки над нами кружиться
В синеве беспредельных небес,
А в зеркальной воде отразится
Человеком нетронутый лес.
Мы с тобой, словно первые люди,
Не стесняясь своей наготы,
Лишь вдвоём на природе побудем,
От ненужной уйдя суеты.

Оказалось, что Костя неплохо играл на шестиструнной гитаре, а Варя имела хороший голос и слух. К тому же они оба любили бардов: Высоцкого, Визбора, Окуджаву.... Варя читала ему свои новые стихи, а Костя рассказывал наизусть стихи Высоцкого, которого боготворил, вспоминал юношеский репертуар дворовых песенок, зачастую забавных и трогательных, над которыми Варя смеялась и грустила.

Оба оказались страстными книголюбителями. Любимые персонажи из „Мастера и Маргариты“ входили в их жизнь, словно старые знакомые. Герои Акунина и Пикчуля, Харуки Мураками и Николая Дежнёва были близки и понятны обоим.

Но, как все влюблённые, которые находятся на пике чувств, когда любое слово воспринимается буквально, они ссорились из-за пустяков и разлучались на какое-то время. Ох, как невыносима тогда становилась жизнь! То, что раньше радовало и нравилось, казалось теперь скучным и банальным.

Варю спасали стихи. В такие дни она лихорадочно записывала слова и фразы, выстраивая их в бесконечные столбцы. На какое-то время приходило облегчение. Одно

из стихотворений, написанное в то время, особенно пришлось по душе Косте. После очередного примирения, когда Варя прочитала ему своё сочинение, Костя долго сидел, задумчиво глядя вдаль и повторяя строчки стиха:

Скажи мне что-нибудь хорошее.
Прижми к щеке моей ладонь.
И не рассказывай про прошлое,
Оно ушло, его не тронь.
Твоя печаль - мне сердце надвое,
Такая боль, что суший ад!
Не вороши, прошу. Не надо мне
Про это знать.
Что жизнь? Она - одно мгновение.
А дальше - крест.
Любовь пришла - есть вдохновение.
Ушла, и - нет.
Шуршат часы её песочные -
Не уследишь.
И вслед за ней по капле точится -
Уходит жизнь.
Любовь моя - моё ристалище,
И вечный рок.
Моё последнее пристанище,
И мой порог.
С тобою я беспечно юная,
Как никогда.
Ушёл, и словно ветром дунуло,
В душе беда.
Не покидай меня так надолго,
Мне день, как век.
Ты нужен мне, как дождь, как радуга,
Как первый снег.

***

*Любовь не только слепа,
она ещё и глуха.*

Варе снились странные и тревожные сны. Она в них летала. Иногда это происходило на фоне ночного звёздного неба, и ей было немножко не по себе. Внизу под собой она видела силуэты людей, машины, слышала какие-то звуки, напоминающие собой выстрелы. Но в то же время Варя понимала, что недосягаема для них, что в любой момент она может подняться выше. Ей казалось странным, что раньше она не умела летать. Ведь это было так просто! Не нужно было от чего-либо отталкиваться или применять другие силовые приёмы. Одно желание внутри себя - желание полёта. И всё!

В другом сне Варя видела себя летящей уже в утреннее время. Она парила в воздухе над полями, над частными домами, над рекой ещё в дымке утреннего тумана. Видела восходящее на востоке солнце, слышала пение птиц в рощицах. Поднималась к облакам и опускалась к самой земле, украдкой заглядывала в окна домов и снова взвивалась ввысь. Это были непередаваемые ощущения восторга и счастья.

Я сегодня летала во сне,
Словно птица, легко и красиво.
Облака прикасались ко мне
Так доверчиво и молчаливо.
Я ныряла в них, будто в реку,
Сальто в воздухе делала смело.
И забыв, что разбиться могу,
Возвращаться к земле не хотела...

А иногда к Варе приходили страшные ночные видения, во время которых она убегала в непроглядную тьму от каких-то жутких чудовищ, которые преследовали её. Она

бежала сломя голову по серым грязным дорогам, а существа дышали ей в спину, и когда уже вот-вот должны были схватить её, она просыпалась.... Долго лежала в темноте спальни, пытаюсь унять учащённое сердцебиение, не сразу поняв, что это всего лишь сон.

Раньше мне снились сады и дороги,
Чистые реки, где берег отлогий.
Жёлтый песок на уступах и плёсах,
Травы зелёные в радужных росах,
Лёгких стрекоз над водою скольжение,
Листьев багряных осенних кружение.
Снились полёты бесплотного тела -
Раньше, наверно, летать я умела.
Только теперь сновиденья иные,
Как бы хотела забыть эти сны я!
Серое небо над грязной дорогой,
Чёрные окна деревни убогой,
Голые ветви деревьев, болота,
Топот копыт за крутым поворотом,
Злобные звери, безумные лица...
Рук не поднять, чтобы перекреститься.
И от кого-то в тоске и тревоге
Мчусь я по грязной и длинной дороге.
А под ногами то лужи, то камни.
Пота солёные едкие капли,
Как наяву, выедают мне очи...
В липком поту просыпаюсь среди ночи.
Свет зажигаю я, словно спасение.
И пробуждение как воскресение.
В чёрном окне, растворяясь бесследно,
Канут и всадник, и конь его бледный.

В одну из встреч и Костя рассказал Варе свой сон: „Я сегодня во сне снял у тебя с пальца кольцо и уронил, а оно куда-то закатилось, и мы не смогли с тобой его найти“.

Сны что-то подсказывали Варя, жаль, что разгадывать их она не умела. Тем не менее, чувство тревоги росло в её душе.

С Костей они встречались уже более года, но не строили никаких совместных планов. Варя терпела тиранию мужа, почти ничего не рассказывая любимому. Да ему ведь тоже приходилось не сладко в семейном кругу. Но когда они встречались, то забывали обо всех своих неурядицах, так празднично, так здорово им было вдвоём! Костя баловал её: покупал фрукты, цветы, хорошее вино, лакомства. Дарил небольшие, но милые презенты: книги, духи, каким-то шестым чувством угадывая её любимые ароматы.

Встречались они теперь в квартире его покойных родителей. Им с каждой встречей всё труднее было расставаться. Иногда, если у них совпадали выходные, влюблённые отправлялись с ночёвкой на какую-нибудь базу отдыха подальше от города. Об осторожности в пылу страсти они забывали. И случилось то, что и должно было случиться: Варя забеременела. Это событие страшно расстроило её. Что теперь делать? У Кости - несовершеннолетняя дочь, у Вари младший сын - школьник.

***

Предавший раз, предаст не единожды.

Она предполагала, что Костю не обрадует её сообщение. Но то, что он откровенно испугается, поразило Варю. Ещё вчера он твердил ей о своей любви, жарко целовал и прижимал к своей груди, а сейчас сидел и лепетал что-то о знакомом враче, что он всё устроит.... Варя с деланным спокойствием ответила, что ему ничего не нужно предпринимать, она разберётся сама.

Операцию она перенесла крайне тяжело. Организм плохо реагировала на наркоз. Варя, словно сквозь вату, слышала голоса врачей, которые пытались разбудить её. А

она летела по бесконечному извилистому лабиринту, ударяясь на поворотах о его ребристые грязно-розовые стены. Врачи с трудом вернули ей сознание, но ещё несколько дней Варя видела окружающее пространство в искажённом виде.

В палате она лежала, отвернувшись к стене лицом, ни с кем не разговаривая. Моральное состояние у неё было ещё хуже физического. Костя приехал за ней, чтобы отвезти домой после выписки. Он виновато, с жалостью смотрел на неё.

- Как ты, Варюшка? - спросил он.

- Ничего, - негромко ответила она.

- Я позвоню тебе? - спросил он её, когда Варя уже выходила из машины.

- Потом, позже. Пока не звони, - не поворачиваясь, тихо сказала она.

Дома тоска навалилась на Варю ещё сильнее. Она чувствовала себя страшной грешницей, которой не будет прощения, казнила себя за загубленную новую жизнь, плакала от того, что уже ничего нельзя исправить. Стихи на сей раз не помогали.

Наш не родившийся ребёнок,
Быть может, он сейчас в раю.
Его не выну из пелёнок,
Своей рукой не обовью.
И не услышу ночью плача,
Щемящего до дна души.
Ладонь к его щеке горячей
Я не сумею приложить.
Каким бы стал он, подрастая?..
Губами сдерживаю стон -
Ведь мы с тобой в любовь играли,
Виновным оказался он.

Время лечит душевные и телесные раны. Если кто-то думает, что Варя разлюбила Костю, то он глубоко ошибается. Их роман не закончился в этот раз, а лишь получил слабую трещинку, такую небольшую червоточинку, которую пока нельзя было рассмотреть невооружённым глазом.

***

*„Сними ладонь с моей груди,
Мы провода под то ком...“*

Б. Пастернак

То, что между ними образовалась тайна, которую нельзя было доверить никому, привязала их друг к другу ещё крепче. Этот не родившийся ребёнок, вначале внесший сумятицу в их отношения, теперь объединил их в одно целое. Костя, просто ответивший Варе на её сильное чувство, сам потерял голову. Он не скрывал своей страсти иногда даже в присутствии коллег. Мог принести ей букет цветов прямо во время рабочего дня, звонил на работу, признаваясь в любви. Варя время от времени даже пыталась урезонить его, чтоб он так явно не показывал своих чувств, на что Костя отвечал ей: „Я такой счастливый, что готов бить себя в грудь и кричать на весь свет: люблю!“

Костя с нетерпением ждал её возвращения, если Варя уезжала к матери, отправлял письма и телеграммы с признаниями в любви. А когда она прилетала, неизменно встречал её с огромным букетом цветов, подхватывал на руки и долго кружил, счастливо смеясь.

Влюблённые теперь, почти не прячась, гуляли по городу, взявшись за руки, забредая в парки и кафе. А когда находились в квартире, то к ним запросто могли зайти друзья и знакомые. Словом, у них образовалась такая нелегальная семья.

Окружающие реагировали на это по-разному, в основном, конечно же, осуждая. Хотя в глаза ни Варе, ни

Косте почти ничего не говорили. Сплетничали за спинами женщины-коллеги, а мужчины стали говорить Варе комплименты и даже признаваться в любви. Она волновала их тем, что от неё исходили мощные флюиды, которые были направлены на Костю, но, по-видимому, поток их был так силён, что краешком цеплял и других представителей мужской половины сослуживцев.

Да и весь коллектив оказался под каким-то незримым шатром их отношений. Именно в это время участвовали поездки на природу, совместно отмечались Дни рождения и праздники. Каждому хотелось подпитаться от Вари и Кости счастьем, которым оба они просто лучились.

Но в семьях их, настоящих, а не эфемерных, происходили совершенно противоположные процессы. Брак Вари трещал по швам. Муж не желал „соседских“ отношений, а по-другому она уже не могла. Варю поражало, что её муж, раньше такой интеллигентный и спокойный, вдруг стал говорить мерзости. В душе она понимала, что это от слабости и бессилия изменить ситуацию, но сама была не в состоянии вернуться к прошлому. Во время одной из ссор ей пришлось под давлением мужа признаться, что она любит другого.

- Какая любовь, что ты себе напридумывала? - кричал муж. - А меня ты разве не любила? Зачем тогда замуж вышла?

- Я не знала, что не любила, - ответила Варя, чем поставила точку в их семейных отношениях.

Она предложила мужу развестись, и он на сей раз согласился. Костя, узнав об этом, опустил голову и спросил: „Мне тоже теперь нужно подавать на развод?“

Его вопрос резанул Варю по сердцу, но она, не подавая вида, что ей больно, ответила: „Не обязательно“.

Ей показалось, что Костя облегчённо вздохнул. Странно, но её не удивила его реакция, его страх. Видимо, после первого предательства, Варя предполагала, что будет и второе. Она не была уже ослеплена чувством и замечала

в Косте черты, которые не любила в людях: изворотливость и приспособленчество. Он умел сделать в нужный момент комплимент начальнице и даже поцеловать ей руку. Мог соврать в малом, не моргнув глазом, а потом, когда его поддавливали на этом вранье, так же легко и полусутоливо придумывал ещё что-нибудь. Варя пока не знала, как к этому относиться, но неприятные для неё черты характера в любимом человеке настораживали её.

И меня предают,
Как и я предавала.
На душе неуют,
Неуют небывалый.
Мне бы выйти на свет
Из душевного плена,
Только выхода нет
До седьмого колена.
Так и будет идти,
Как заложено свыше.
Нет другого пути,
Нет. А ночью над крышей
Снова встанет луна
И, тоску нагоняя,
Будет в окна она
Всё глядеть, наклоняясь.
И опять не уснув,
До зари, до рассвета,
Я с собою войну
Продолжаю при этом.
И устроив бедлам,
Всё в душе раскурочив,
Вдруг уверую впрямь,
В справедливость пророчеств.
Мне бы выйти на свет
Из душевного плена,
Только выхода нет
До седьмого колена.

***

„И это не значит, что чувственная радость сама по себе пребывает для человека чем-то запретным. Наоборот, это значит только, что суммы страданий других существ и уравновешиваются в нас самих готовностью принимать от жизни не только наслаждение, но и скорбь, и труд, и долг“

Д. Андреев „Роза мира“

После развода в жизни Вари почти ничего не изменилось. Она продолжала жить с мужем в их общей квартире, воспитывая детей и занимаясь прежними домашними делами. С Костей тоже отношения остались на прежнем уровне. Ей было труднее, чем раньше, но спасало Варю от душевных мук её новое увлечение - стихи. Она, как Цветаева, обладала одновременно и тонкой душевной организацией и холодным умом, фиксируя на бумаге все свои переживания. Предчувствие близкой разлуки уже поселилось в её сердце, хотя Костя, как и раньше, клялся ей в любви и делал подарки.

Между нами стена.
Просто так, для порядка.
Из простого стекла,
А не каменной кладки.
Между нами стена
Из различных устоев.
Я живу не одна,
Только вот не с тобою.
Лягу спать, ну а мне
Ночью снова приснится,
Что стоит и во сне,
Между нами граница.
Я тебя позову,
А в ответ только эхо.

Даже днём, наяву,
Продолжается это.
Между нами стена.
Я её разбивала,
Только снова она
Почему-то вставала.
Не укрыв от молвы,
Обломала мне крылья.
Скоро будем на „вы“,
Прилагая усилия.

Варя всё ещё любила Костю горестной и счастливой любовью и не находила в себе сил для расставания. Ей нравилось в нём абсолютно всё: большие карие глаза, волнистые волосы, смуглая гладкая кожа. Костя обожал, когда Варя запускала руки ему в волосы и слегка дёргала за пряди. Она зацеловывала его, гладила, ласкала. Он отвечал ей тем же. Они любили лежать на диване „как ложки“, плотно прижавшись друг к другу, совпадая выпуклостями и впадинами тел, не испытывая никакого дискомфорта, словно были одно целое. Иногда и засыпали в таком положении. В общем, они были счастливы.

А дома буря не утихала. Бывший муж приходил домой пьяным и раздражённым, скандалил и даже пытался поднимать на Варю руку. Хорошо, что сыновья уже были почти взрослыми и защищали её. Но после очередного выяснения отношений терпение Вари закончилось. Она позвонила Косте и попросила у него разрешения какое-то время пожить в квартире его родителей.

- Ну, конечно, Варюшка, что ты спрашиваешь!

А через неделю он пришёл сам с вещами и весело сказал:

- Теперь будем всё время вместе! Я тоже оформлю развод.

И началась их совместная жизнь. Варя старалась уютнее обустроить жильё, чистила, мыла, скребла. Костя

оказался очень толковым и рукодельным в житейском отношении. Любое дело в его руках спорилось на диво. Они купили телевизор, приобрели холодильник и стиральную машину, устраивали праздничные ужины при свечах, пели свои любимые песни. К ним забегали приятели, подружки....

Первое время Варя была на седьмом небе от счастья. Костя тоже блаженствовал, обнимая Варю:

- Как хорошо, что никуда не надо бежать, выслушивать претензии и оправдываться. Варюшка, нужно заплатить госпошину для развода, сходи завтра в банк.

Но любовь - это праздник, а праздник не может продолжаться вечно, за ним, как правило, начинаются будни. Через какое-то время Варя стала замечать, что её любимый поскучнел. Иногда он просто лежал на диване, глядя в телевизор, а порой сидел на кухне и курил, бессмысленно глядя в окно и невпопад отвечая на её вопросы. Она звала его гулять, ведь раньше они любили совместные прогулки, но Костя отказывался.

Тогда она собиралась и шла проведать сыновей, варила им, стирала бельё, а когда возвращалась, находила Костю слегка выпившим и уже более весёлым. Младший сын Вари иногда приходил к ним и даже оставался ночевать. Они с Костей легко нашли общий язык. Это радовало Варю, ей жалко было сына, она надеялась, что Костя захочет, чтобы мальчик жил с ними, но Костя молчал. Костины дети тоже появлялись у них, но обычно они приходили в Варино отсутствие для того, чтобы попросить у отца денег. Он давал, не забывая, впрочем, сказать ей об этом.

В конце ноября Костя собрался с приятелем на рыбалку. Уезжали они на несколько дней. Костя складывал рыбацкие снасти в рюкзак, как-то суетливо и нетерпеливо поглядывая по сторонам. Варя приготовила для него продукты, но он почти ничего не взял, отговорившись, что купит по дороге всё необходимое, торопливо чмокнул её, не глядя в глаза.

- Костя, ключи не забудь. Я, может, к подружке на День рождения уйду, а ты в это время вернёшься.

Два дня, ожидая Костю, Варя бессмысленно толкалась по квартире. Вечером третьего дня она ушла на пару часов в гости. Возвратившись домой, увидела, что Кости всё ещё нет. Прокрутившись в постели большую часть ночи, Варя забылась под утро коротким тревожным сном. Трезвон будильника напомнил ей, что пора вставать.

***

Уходя -уходи

Часов в девять утра Костя пришёл к ней на работу, чтобы взять ключи. Был он пасмурен и неразговорчив. Варя попыталась расспросить его, но он коротко ответил: «Дома поговорим».

До конца рабочего дня она размышляла о том, что могло случиться и почему у Кости не оказалось ключей, ведь он говорил, что взял их. В тревожном состоянии она кое-как доработала смену и поехала домой.

Костя лежал на диване уже нетрезвый и курил. Варя понимала, что разговор будет серьёзным, и ей не понравилось, что Костя пьян. Она прямо спросила его, в чём дело и почему он не вернулся с рыбалки вчера, как обещал.

- Я-то вернулся, да вот тебя почему-то дома не оказалось, - огрызнулся он, - могла хотя бы у соседней ключи оставить. Я целый час просидел в подъезде, как последний дурак.

- Но ты ведь брал их с собой, я сама напоминала тебе, чтоб не забыл.

- Ничего я не брал, могла бы проверить, они остались лежать в кармане куртки.

- Я не проверяю чужие карманы. И где же ты ночевал, если вчера вернулся?

- Дома.

- Дома? Я так понимаю, у своей жены?!

Варя почти кричала, не сдерживаясь. Слезы душили её оттого, что Костя снова так подло поступил с ней. Она уже понимала, что никакой рыбалки не было. Испугавшись Вариных слёз, он что-то пытался объяснить ей, мол, спал он в спальном мешке на полу, что у них с женой ничего не было, потому что он любит Варю, но в его семье большие проблемы, денежные и моральные, так как дочь беременна и нужно устраивать её судьбу...

- А жена твоя случайно не беременна? И разве нельзя мне было всё объяснить по-человечески, без подличанья, что я - не человек? Ведь ты ещё несколько дней назад говорил, что у нас всё будет хорошо! И это называется: хорошо?!

Варю трясло, как в лихорадке. Она кинулась к шкафу и стала выкидывать с полок свои вещи. Костя пытался удержать её, но Варя оттолкнула его. Сложив всё в сумки, она села, чтоб немного успокоиться. Слезы текли по щекам, сердце готово было выскочить из груди, руки тряслись, как у пьяницы.

- Сможешь отвезти меня завтра домой? - спросила она Костю. Тот, протрезвевший сразу, молча смотрел на неё.

- Я спрашиваю: сможешь? Если нет, то я найду другую машину.

Костя кивнул головой. До утра ни он, ни она не уснули. Сидели в разных комнатах и молчали. Варя больше не плакала. Думала о том, как она вернётся назад, в квартиру бывшего мужа, и о том, что на работе поднимется новая волна сплетен и пересудов. Горе и стыд переполняли её сердце. Утром Костя сходил за машиной и поднялся в квартиру за Варей.

Уже в прихожей, на выходе, она вдруг, не справившись с тоской, зашлась от рыданий, и Костя в бессилии опустился перед ней на колени и стал просить прощения.

- Прости меня, Варя, за всё! Я люблю тебя, но жалость сильнее любви.

- Бог простит, а я не могу, - с трудом проговорила она, оттолкнув его руки.

Не гнезди в себе печаль,
Не расти тревогу.
Знаю, знаю: будет жаль,
Но совсем немного.
Я звала тебя с собой,
Только ты не слышал.
И лицом к лицу с судьбой
Встретиться не вышел.
Безоглядно вслед за мной
Не сорвался ночью,
Воздух, белый и хмельной,
Разрывая в клочья.
Отступила, отошла.
Не зову, не плачу.
Не сумела, не смогла -
Вот ведь незадача.
В путь неблизкий ухожу
С сумкою заплечной,
А в суму-то положу
Только груз сердечный.

ЭПИЛОГ

*Ничего не проходит бесследно,
Уж таков у природы закон...*

Любовь - странное и необъяснимое чувство, которое приходит к нам ниоткуда и уходит в никуда. Она дарит человеку крылья, приподнимая его над бытом, даёт ему шанс

духовного роста, открывает в нём таланты, о которых раньше человек не подозревал, а сердечные страдания очищают его душу. Или, наоборот, ломает его, выбивает из-под него опору и приводит к самоуничтожению, если человек слаб и беспомощен. Но никогда любовь, пусть даже самая что ни на есть несчастная или безответная, не бывает напрасной.

Вернувшись в дом бывшего мужа, Варя долго приходила в себя, не спала ночами, плакала, писала стихи. На работу она ходила, как на каторгу. За спиной Варя слышала смешки и разговоры вполголоса о том, что Костя правильно поступил, вернувшись в семью. Уйти было некуда ни ей, ни Косте, и волей неволей им приходилось встречаться по работе. Это было мучительно и неприятно. Любовь ещё жила в их сердцах.

Как-то Варе пришлось в очередной раз поехать по делам на служебной машине. Была Костина смена. Глянув на его затылок, Варя с жалостью заметила, что его густые и недавно ещё чёрные волосы стали цвета „соль-перец“. Видно и для Кости разрыв с Варей не прошёл даром. Не поворачиваясь к ней, Костя вдруг спросил хриплым от волнения голосом:

- Как ты, Варя, живёшь? Всё у тебя в порядке?
- Живу, как получается. Что у тебя в семье?
- Ничего, терпимо. Только вот с женой что-то не срастается.
- Срастётся, время поможет.
- Мои руки скучают по тебе, трудно вылечиться.
- Что ж делать? Ты сам так захотел. И давай больше не будем поднимать этот вопрос. Всё в прошлом.
- Когда-нибудь Бог накажет меня за тебя, - с горечью проговорил Костя. Варя не ответила, и разговор прервался.

С этого дня она избегала разговоров с Костей. От коллег Варя знала, что он выдал дочь замуж, продал по настоянию жены квартиру родителей и занимался ремонтом,

покупкой новой техники и мебели. В общем, заглаживал свои грехи перед семьёй.

Спустя некоторое время, Варя узнала некоторые подробности, способствовавшие их разрыву. Его жена несколько раз за это время ходила на приём к начальнику предприятия, на котором Варя с Костей работали, пытаясь добиться возвращения Кости в семью с помощью давления со стороны руководства. Но у начальника хватило ума не вмешиваться в личные дела своих подчинённых. Тогда жена стала приходить на квартиру, где жили Варя с Костей в Варино отсутствие. Уговаривала его вернуться в семью, плакала, угрожала покончить жизнь самоубийством. Затем появилась ещё одна причина: беременность дочери. Не каждый мужчина готов сражаться за любовь. Костя был из этой категории.

В её семье всё катилось по накатанной плоскости. Бывший муж и дети были рады её возвращению и никогда не напоминали ей о прошлом. Только ещё раз Варя смалодушничала. Где-то через месяц после возвращения в семью она нашла среди своих бумаг их общую с Костей фотографию. Они сидели в обнимку, и лица их светились счастьем и любовью. Варя вздрогнула от внезапно пронзившей её сердечной боли. Что-то сдвинулось в её сознании. Жизнь показалась никчёмной и не нужной. Высыпав на ладонь из баночки все снотворные таблетки, Варя проглотила их....

Очнулась она в больнице, уже на койке, ослабевшая от промываний и капельниц. Чувство стыда после неудачной попытка суицида, укоряющие взгляды родных, вездельные вопросы психотерапевтов и следователя навсегда отбили у неё охоту к подобным методам избавления от депрессии.

Шли месяцы, годы.... Боль потихоньку отступала, но стихи не ушли от неё вместе с любовью. Варя всерьёз занялась творчеством. Теперь она не только писала стихи, но и придумывала к ним мелодии. Она вступила в творческий союз, выступала в различных аудиториях. Варю знали в

городе, стихи и песни её нашли своего читателя и слушателя. Местное телевидение и радиовещание делали творческие встречи с её участием. Варя выпустила несколько книг небольшими тиражами, которые разошлись, как горячие пирожки.

Были и ухаживания со стороны мужчин, коллег по творческому цеху, но в душе у Вари ничего не откликалось на их попытки каких-то отношений. Всю свою страсть и любовь до последней капли она окончательно и бесповоротно отдала Косте.

Они уже не работали с ним на одном предприятии. Варя нашла другое место работы, чтобы поскорее избавиться от „болезни“. От знакомых она знала, что Костя одно время сильно пил, потом закодировался. Иногда он звонил ей домой, они разговаривали „ни о чём“, в основном, о каких-либо проблемах в семьях, о детях, а теперь уже и внуках.

Как-то в очередной раз он позвонил ей и сказал, что Варя приснилась ему ночью, хотел рассказать сон в подробностях, но она оборвала его:

- Это уже неважно.

И положила трубку. Она не стала говорить Косте о том, что он снится ей чуть не каждую ночь. Ведь последняя любовь остаётся в сердце до скончания века, и ничего с этим не поделаешь.

От тебя отрекаюсь навечно,
Навсегда, до скончания дней.
Отменяю случайные встречи,
Чувства, мысли, чтоб было больней.
Отпускаю тебя, отпускаю,
Словно синюю птицу свою.
Отрекаюсь, родной, отрекаюсь.
И не плачу уже, а пою.
Слышишь, эхо вторит этой клятве:

- Каюсь, каюсь.... Уже не впервой.
Не пошлю я вдогонку проклятья,
Бед невысказанных над головой
Не сгущу. Чернотой отчужденья
Не взгляну. Опускаю глаза.
Я желаю тебе возрожденья,
Коль со мной тебе больше нельзя.
По щеке, по губам торопливо
Проведу на прощанье рукой.
Отрекаюсь навеки! Счастливо
Жить в неведенье с этой другой.

ВМЕСТО ЭПИЛОГА

НЕ ПЛЮЙ В КОЛОДЕЦ !

(очерк)

Бывал ли ты, читатель, на берегу речки Силинки? Глупый вопрос. Конечно, бывал и не однажды. Я живу в микрорайоне „Парус“, поэтому хожу на Силинку частенько. Не с целью пожарить шашлыки, а просто пройтись по её берегу, посмотреть на весёлую говорливую речушку, послушать птиц. И в этом году пошла к речке, как только потеплело на улице.

Речка бежит, радуется пока, а вот на берега её без слёз не глянешь! Помню, ещё лет десять назад здесь всё было по-иному. Река так же бежала, журчала и пела, а на её крутых бережках в большом количестве росли серебристые красавицы-ивы, купая свои ветви в звонких струях. На прибрежных полянках колыхалось море из трав.

С конца мая до конца июня эти поляны покрывались золотым ковром одуванчиков. В прибрежных кустах краснотала распевали птицы на все голоса. В воздухе стоял запах цветущего шиповника. Кружились над цветами пчёлы и разноцветные бабочки. По берегам речки и тут, и там сидели рыбаки. Удочки их то и дело взлетали вверх, а на фоне синего неба серебряными звёздочками сверкали рыбки.

Сейчас высокие некогда берега речки опустились, только что взошедшая трава уже вытоптана множеством ног, выезжена машинами. Повсюду следы от прошлых лет и нынешних кострищ. Мусор лежит повсюду: в кустах, на полянах, плывёт по реке.... Стеклянные и пластиковые бутылки, разовая посуда, тряпьё.... Много битого стекла. Деревья покалечены. Где выворочены с корнем, где обломаны, где срублены.

Словно племя варваров прошло по берегам реки, всё сметая и разрушая на своём пути. Что это?! Почему мы стали такими безжалостными к своим родным местам?

Ведь здесь ещё предстоит жить нам и нашим детям. Или: „После нас хоть потоп!“

Когда-то ещё царь Пётр запретил вырубать леса по берегам рек и озёр в радиусе 50-ти метров, для того, чтобы уберечь их от высыхания. Ведь в природе всё взаимосвязано. И он это прекрасно понимал в то время, когда и рек, и лесов было несравнимо больше. И воду можно было пить из любой речки, из любого ручья. Почему мы, его потомки, хотим превратить наш богатый цветущий край с полноводными реками в безжизненную пустыню?

Знают ли те, которые устраивают здесь свинарник, что на реке Силинке городской водозабор? И получается, что они в прямом смысле плюют в колодец, из которого потом пьют! Может уже пора бить тревогу и останавливать беспредел, творимый здесь, с помощью штрафных санкций? И не чисто символически, а так, чтобы было чувствительно кошелькам? Ведь есть же у нас и зелёные патрули, и надзорные органы. Почему не запретят въезд на машинах на берега Силинки, хозяева которых не стесняются мыть здесь своих „любимиц“? В конце концов, можно и нужно запретить в необорудованных местах разжигать костры и жарить шашлыки. И штрафовать за нарушение.

Почему мы не гадим в своих квартирах, но гадим на лестничных площадках и во дворах, в парках и на берегах рек? Почему мы всё делаем для того, чтобы нас называли „русскими свиньями“? Где наша национальная гордость, где достоинство одного из великих некогда народов? Когда уже нам будет „за Державу обидно“?

Неужели вся наша любовь к природе сводится к тому, чтобы „пожрать“ на берегу реки или в парке и уехать, оставив после себя горы мусора?

Давайте задумаемся: не пришло ли время начинать уважать себя?

СОДЕРЖАНИЕ

Вместо предисловия.	
Мысли в Рождественское утро	3
В гости к Пушкину (дневниковые записи)	4
Читая Набокова (миниатюра)	19
Давнее (мемуары)	21
Про веру (размышления)	28
Рассказы о маме (20 миниатюр):	30
Про маму. Вместо предисловия	30
Про мерина	33
Схватить быка за рога	34
Подруги	35
Побереги глаза!	36
Лягушонок величиной с дом	37
Скакалка	38
Сумка на пароме	39
Это мой рюкзак!	40
Про ворону и клубнику	41
Про коршуна	42
Целлофановая история	43
Как Даниловна и Павловна сдавали картошку	44
Как Павловна и Даниловна пьяниц спасали	45
Уродины, выходите?	46
Не блякай!	47
Зять-генератор	48
Бразильский сериал	49
Другое кино	50

Картёжники	51
Письма из прошлого (публицистика)	53
Самая зимняя птица	68
Никушка (сказка)	71
Лешачок-мужичок (байка)	74
Дневник „неудачницы“	76
Последняя ночь (рассказ)	91
Странное чувство любовь (новелла)	95
Вместо эпилога. Не плюй в колодец! (очерк)	119
Содержание	121

Авторские права охраняются законом Российской Федерации об авторском праве.

Воспроизведение всего сборника или его части запрещается без письменного разрешения автора или его правопреемников.

И ВСЁ ЭТО ЖИЗНЬЮ ЗОВЁТСЯ

Проза

Редактор: **Щербакова О. Е.**

Обложка: **Родионова С.В.**

Компьютерный набор автора

Отпечатано в типографии ООО «Агора»
г. Комсомольск-на-Амуре, Ленина, 39, т.52-79-45
Тираж 200 штук
2011 год

г. Комсомольск-на-Амуре
2011 год